

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 134, ноябрь 2025

ДИПЛОМАТИЯ-СПЕКТАКЛЬ И АМЕРИКАНСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Что сказать о дипломатии-спектакле, которая стала визитной карточкой американского президентства и нашла яркое проявление в выступлениях Дональда Трампа в израильском Кнессете и на церемонии *Peace 2025* в Шарм-эль-Шейхе?

Это скользкая почва, поскольку она сочетает в себе новые формы телевизионной демократии и демократии социальных сетей и исторические черты американизма со структурными изменениями атлантического упадка и последующей динамикой мирового противостояния.

Несмотря на некоторый пессимизм, стоит вернуться к описанию, опубликованному в июле в *L'Opinion* Фредериком Шарийоном, бывшим руководителем Института стратегических исследований Военной академии и преподавателем ESSEC, высшей школы экономических наук, основанной иезуитами. По его мнению, «времена классической дипломатии закончились», и это «плохая новость для европейцев, которые в значительной степени изобрели её и, прежде всего, осылали после Венского конгресса 1814–1815 годов». Перед лицом «постоянной неопределённости», к которой стремится Трамп, «Европа обнажена», а её стратегическое измерение «не существует или существует в недостаточной степени» без Вашингтона, который теперь подрывает «дипломатиче-

ские практики, которые Европа считала своими главными сильными сторонами».

Новый подход «противоречит европейскому ДНК». Во-первых, «привычка объявлять даже самые серьёзные решения в социальных сетях или публиковать там свои настроения, независимо от того, какие последствия это может иметь на местах». Это далеко от Джона Фицджеральда Кеннеди, который в роковые «тринадцать дней» кубинского кризиса мог собрать десятки советников, чтобы «выиграть время» и «коллективно принять решение», как лучше ответить Никите Хрущёву. Теперь же на глазах у журналистов разворачивается практика «постоянных извержений».

«Для старой, воспитанной Европы, которая тратит столько времени, сколько нужно, чтобы согласовать общую позицию, убеждённой, что консенсус придаёт ей большую легитимность, эта эволюция ужасна. Она [президентская администрация США] представляет бахвальство как более эффективное, чем дипломатический профессионализм, вспышки гнева, а не переговоры, резкие высказывания в сети X, а не компромисс. Для Трампа эффектный ход – это предварительное условие для достижения соглашения. Но общественность видит в этом доказательство слабости разумных людей».

Вторая черта – «односторонность», вплоть до беззастенчивого вмешательства в политические или судебные дела других держав. Вашингтон всегда практиковал односторонние действия – вспомним *никсоновский шок* 1971 года, – но, по мнению Шарийона, цель Трампа состоит не только в том, чтобы игнорировать или обходить партнёров, но и «тревожить их, чтобы утвердить своё лидерство, путём намеренно непредсказуемого и публично разыгрываемого запугивания».

Третья черта: Трамп «доводит до крайности подчинение внешней политики внутренним условиям и целям». Это свойственно любой дипломатии, но Трамп «заходит дальше»: «Он определяет свою международную ориентацию, исходя из электората, недоверчивого к зарубежным странам, из советников, не имеющих опыта в международных делах, и из идеологической близости с иностранными лидерами, входящими в узкий круг, вращающийся вокруг Белого дома. Чтобы вести переговоры с Америкой, нельзя больше рассуждать в терминах интересов, нужно знать, кого в Вашингтоне нужно ублажить». Таким образом, европейцы могут стать последними, кто придерживается классической дипломатии: «легально-рациональной, постепенной, основанной на переговорах и компромиссе».

Этот диагноз повторяется в интервью *Le Monde* с Кристофом Хойсеном, бывшим советником Ангелы Меркель, однако там акцент сделан на откровенно транзакционном характере политики Трампа, которая больше не является надёжной гарантией союзнических связей. Когда Хойсен представился Джареду Кушнеру словно дипломату старой школы, напомнив о Кеннеди времён Берлинского кризиса и о Джордже Буше – соавторе объединения Германии, – ответ зятя Трампа, ныне одного из архитекторов соглашений Авраама, был прямым и обезоруживающим прост: «Остановись, Кристоф. Мы не дипломаты, мы бизнесмены. А в бизнесе сегодня ты друг, а завтра враг. Так мы ведём нашу внешнюю политику».

Уолтер Рассел Мид, который в своих комментариях в *Wall Street Journal* часто помогает расшифровывать новый курс Вашингтона, предлагает взглянуть на происходящее с определённой дистанции – вне европейского недоумения. Действительно, «рациональность не является доминирующим принципом в решениях Трампа», признаёт он в беседе с Мишелем Дюкло из Института Монтеня. Трамп действует по «интуиции», но его интуиция носит отпечаток «коллективной культуры». Это «почти архетипы», которые, если их распознать, позволяют лучше понять его решения, даже если они далеки от рациональности, вдохновлявшей стратегический анализ Ричарда Никсона. Опираясь на политическую историю Соединённых Штатов и их школы мысли, советует Мид, можно увидеть, что даже в «доктрине Трампа» присутствуют «американские константы», лежащие в основе его внешней политики.

Мид ссылается на своё известное разъяснение американской политической традиции: экономического реа-

лизма *гамилтонианцев*, интернационалистического идеализма *вильсонянцев*, напористого национализма *джексонианцев* и реалистичной осторожности *джефферсоновцев*, настороженно относящихся к зарубежным обязательствам и федеральным расходам. В последние тридцать лет в американской внешней политике доминировала «глобалистская коалиция» гамилтонианцев и вильсонянцев – старый мир «либерального порядка». Трамп, по-видимому, воспользовался восстанием против этого консенсуса, объединив национализм джексонианцев с осторожностью джефферсоновцев.

Беспрецедентной чертой нового курса является то, что «всё зависит от внутренней политики»; Трамп, по-видимому, с «управленческим мастерством» лавировал в этой коалиции в зависимости от колебаний электоральной поддержки, отдав политику в отношении Израиля *джексоновскому национализму*, а в отношении Украины – уклончивому *джефферсоновскому реализму*.

Мид остаётся на поверхности идеологий и социальной психологии и менее глубоко связывает их с динамикой крупных групп и фракций капитала в Соединённых Штатах, ограничиваясь различиями интересов новых высокотехнологичных игроков Кремниевой долины по сравнению с «традиционным капитализмом». Но его попытка отнести Трампа к константам *американизма* хотя бы прокладывает путь к отходу от доминирующей тенденции, заменяющей политический анализ комментированием очередному эпизоду дипломатии-спектакля.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, октябрь 2025 г.

**Реакционный терроризм,
империалистический
европеизм, коммунистический
интернационализм**

272 стр., твердый переплёт,
примечания,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-7-6

Цена 300 руб.

Содержание

ДИПЛОМАТИЯ-СПЕКТАКЛЬ И АМЕРИКАНСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ	стр. 1
Американизм и европеизм в кризисе порядка.....	стр. 2
Китайские капиталы и оружие для Азии	стр. 3
Прибыль, пузыри и долги.....	стр. 4
Демографические и миграционные тенденции "Крепость Европа", поддерживаемая иммигрантами	стр. 5
Теоретические и политические сражения Арриго Черветто	стр. 6-7
Внешнеполитические ориентиры Москвы в кризисе миропорядка	стр. 8
Коалиция гарантов для Газы	стр. 9
Берлин инициирует перевооружение Европы	стр. 10
Рабочая борьба в мире	
Естественное экономическое явление.....	стр. 11
С широко открытыми глазами	стр. 12
СУТЬ МОМЕНТА.....	стр. 12

Американизм и европеизм в кризисе порядка

(начало на стр. 1)

Раджа Мохан в *Indian Express* даёт, пожалуй, самое точное резюме ситуации – как в отношении *плана Трампа* для Газы, так и в отношении непоследовательных действий вокруг Украины. Сила «великой державы», такой как США, в сочетании с «безграничным эгоизмом» и готовностью к «высокорискованным маневрам» может положить начало великим делам, но вряд ли этого будет достаточно: для установления мира нужны «настойчивость, компромисс и глубокое понимание динамики конфликта» – качества, которыми Трамп не обладает.

По мнению Фёдора Лукьянова, опубликованному “Российской газетой” (14.10.2025), Трамп «пусть и в утрированной форме» идеально воплощает американскую политическую культуру: «Целеустремлённый прагматизм, формулирование очень конкретных интересов, напор и бесцеремонность в достижении целей и пафосность на грани (или за гранью) дурного вкуса».

Лукьянов выражает сомнения по поводу чрезмерного бахвальства Трампа о «вечном мире» в Шарм-эль-Шейхе, которое следует отнести «к особенностям такого стиля», но должен признать, что «готовность всех вокруг восхищаться и подыгрывать – к желанию использовать момент для хоть какой-то стабилизации ситуации».

Это хорошо отражает позицию крупнейших держав, которые в разной степени и с разными акцентами поддерживают 20-пунктный план США: ЕС, Индии, Японии, Бразилии, России, Китая – причём две последние без особого энтузиазма. Совместный документ пяти арабских держав (Саудовская Аравия, Катар, Объединённые Арабские Эмираты, Иордания и Египет) и трёх стран-членов Организации исламского сотрудничества (Турция, Индонезия и Пакистан) подтверждает их согласие с планом, но при условии признания палестинского государства, в которое будут полностью интегрированы Газа и Западный берег. Аналогичная позиция, ориентированная на Палестинскую национальную администрацию, лежит в основе франко-саудовской инициативы, которая также выразилась в просьбе ведущих европейских держав о предоставлении мандата ООН, который обеспечил бы многостороннюю политическую поддержку международным миротворческим силам.

Соглашения Авраама были инициированы пять лет назад Трампом в конце его первого мандата и не были отменены Джо Байденом. Совершенно американская идея заключалась в том, что доходы *нефтяных монархий* Персидского залива в сочетании с промышленным и технологическим потенциалом Израиля могли бы запустить такой мощный цикл развития, который преодолел бы исторические этнические и религиозные противоречия, раздирающие регион. Взлёт этого рынка должен был привести к созданию *коридора IMES*, будущего *хлопкового пути*, который, согласно замыслу, соединил бы Индо-Тихоокеанский регион со Средиземноморьем, став альтернативой или конкурентом *Шёлковому пути*, продаваемого Китаем.

После ОАЭ, Бахрейна, Марокко – которое получило от США признание суверенитета над Западной Сахарой, – и Судана, остающегося на полпути из-за отсутствия окончательной ратификации, два года назад процесс достиг порога возможного присоединения Саудовской Аравии. В том контексте предполагалось, что бин Салман ограничит общим обещанием в будущем поддержать создание палестинского государства, при этом внешняя безопас-

ность, в любом случае, оставалась бы в ведении Израиля.

Погром 7 октября прервал этот процесс. Согласованное или нет с Тегераном, нападение на кибуцы, унёсшее жизни 1200 человек и приведшее к захвату 251 заложника, стало воплощением противодействия *соглашениям Авраама* со стороны Ирана и его прокси – “*дуги огня*”, объединявшей на тот момент ХАМАС в Газе, Хезболлу в Ливане, Сирию Асада, часть шиитских группировок в Ираке и хуситов в Йемене. Все эти силы служили цитом для иранской ядерной программы. С тех пор Израиль разрушил Газу и нанёс удары по всем прокси Ирана; в Сирии пал режим Асада, а бомбардировщики В-2 США как минимум ослабили ядерную программу Тегерана. Наконец, Израиль нанёс удар по каналу финансирования и поддержки ХАМАС в Катаре, которым сам годами пользовался для разделения Газы и Западного берега. Однако эта атака на Доху оказалась слишком рискованной и имела два последствия. Она подтолкнула Саудовскую Аравию к заключению договора о взаимной обороне с Пакистаном, введя атомное сдерживание Исламабада в уравнение региональной силы, а также побудила Вашингтон начать действовать без промедления, заставив Биньямина Нетаньяху принять перемирие в Газе.

Спустя два года, с более чем 65.000 жертвами в Газе, с навсегда запятнанной репутацией Израиля – но без значительной реакции со стороны арабских стран – процесс *соглашений Авраама* возобновился в своей исходной форме. Иран оказался главным проигравшим и единственной региональной державой, исключённой из соглашений, со всеми вытекающими отсюда рисками. Однако не исключено, что идёт и неофициальное прощупывание почвы для привлечения к переговорам иранских мулл.

Риски провала очевидны и широко обсуждаются, и это может быть частью скрытых расчётов Москвы и, прежде всего, Пекина, которые демонстрируют сдержанную поддержку, оставляя Вашингтону бремя возможного фиаско трамповского триумфализма. Но если процесс действительно укоренится, то стоит вспомнить гипотезы, выдвинутые ещё в 1977 году в рамках нашего марксистского анализа. После провала “прусской” военной унификации в регионе мир между Израилем и Египтом тогда можно было рассматривать как зачаток решения типа *Zollverein*, то есть создания большой региональной зоны свободной торговли, которая часто обсуждалась в качестве дополнения к конфедеративной модели для Западного берега. Сегодня эта логика вновь проявляется в экономическом измерении *соглашений Авраама*. Если так, мы имеем сочетание двух процессов – военного и экономико-регионального – в рамках межимпериалистического соглашения. Разумеется, кровавое наследие десятков тысяч жертв в Газе становится новым, колоссальным, возможно непреодолимым препятствием, питающим и воспроизводящим в новых поколениях укоренившиеся ненависть и фанатизм.

Может ли эта структура стать международной гарантией безопасности всего региона или его части посредством картеля крупнейших держав? Об этом часто мечтал Генри Киссинджер, но его мечты так и не осуществились – старейшина американского реализма предлагал решения *по образцу Бельгии* времён европейского концерта XIX века для таких неразрешимых конфликтов, как Ирак или Афганистан. Это имело бы очевидные последствия для оценки *кризиса по-*

рядка, при условии временной стабилизации и признания определённой роли Китая в этом устройстве.

Посмотрим: Средний Восток – земля обетованная для непредвиденных результатов; процессы перевооружения в каждой области, ситуации в каждой *болевой точке* противостояния идут в прямо противоположном направлении, в то время как *атлантический упадок* и утверждение Китая являются объективными тектоническими сдвигами, порождающими разрушительное напряжение, на которое дипломатия почти не способна повлиять. Уолтер Мид сказал Дюкло: «*События сидят в седле и скачут на человечестве*»; между США и Китаем, как во время холодной войны, «*будут переходы от моментов разрядки и «соглашений» к «всплескам напряжённости и «жестокой враждебности»*».

Можно отметить, что в настоящее время *план Трампа*, под оболочкой американского триумфализма, выглядит достаточно восприимчивым к другим инициативам, по крайней мере – европейским. Это относится к франко-саудовской инициативе, которая рассматривается как дополняющая основной план. Это касается и самого происхождения 20 пунктов плана, в котором ключевую роль сыграли бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр и Джонатан Пауэлл, советник Кира Стармера и дипломат с большим стажем, ключевая фигура *Соглашений Страстной пятницы* 1998 года, которые положили конец гражданской войне в Северной Ирландии. И это относится к европейскому предложению о мандате ООН. Поддержку со стороны США уже озвучил госсекретарь Марко Рубио, но само упоминание Организации Объединённых Наций имеет важный подтекст – вовлечение России и Китая, постоянных членов Совета Безопасности.

Здесь особая роль Европы требует размышлений. Уже в 1987 году в книге “*Menschen und Mächte*” (“Люди и силы”) историк и канцлер Германии Гельмут Шмидт сетовал на непостоянство и непредсказуемость внешней политики США с приходом *телевизионной демократии*, а также на недостаток знаний, который Вашингтон демонстрировал в отношении запутанного клубка «*нерешённых и неразрешимых проблем*» Большого Среднего Востока. Пространство для действий Европы тогда представляло собой скорее “игру на отскоке” – ответную реакцию на американскую деятельность в этом регионе, – что было политической «*нестабильной*» и «*в основном основанной на надеждах*».

Спустя сорок лет многое изменилось в глобальных отношениях между державами: распался СССР, произошло объединение Германии и Европы с созданием федерации еврозоны, на арену вышел Китай, а Атлантика переживает относительно упадок. В непрерывной череде конфликтов и массовых убийств, среди которых особенно выделяется *война по выбору* Джорджа Буша в Ираке с её *непреднамеренными последствиями*, многое изменилось и на Среднем Востоке. Среди великих держав Россия утратила своё прежнее значение, в игру вступили Китай и Индия, США колеблются между стремлением уйти и необходимостью сохранять присутствие, которое остаётся существенным и не имеющим себе равных по количеству людей, баз и средств. Среди средних держав одни находятся в упадке или потерпели поражение, такие как Иран, Ирак и Сирия; другие приобрели вес или инициативу, в том числе благодаря *кризису порядка*: это Турция, Саудовская Аравия, отчасти Египет и, разумеется, Израиль. Даже малые и очень малые державы играют свою роль,

как Катар и ОАЭ. Из-за пределов региона в игру всё активнее вступают Пакистан и Индонезия.

То, что, по-видимому, не изменилось – а скорее ослабло из-за роли Турции в Ливии и кризиса Франции в её *pré carré*¹ в Африке к югу от Сахары, – это европейская “игра на отскоке”, которая по-прежнему ограничена политическими и военными рамками ЕС. Романо Проди в беседе с Ван Вэнем из института “Чунъян”, размещённой на сайте *Guancha*, даёт точную оценку сегодняшнего состояния европейского процесса: «*В настоящее время ЕС действительно ускоряет процесс автономизации, но традиции, сформировавшиеся на протяжении нескольких столетий, национальная идентичность и, прежде всего, система обороны не могут быть изменены в одночасье. Мы уже добились прогресса в координации военной промышленности, но в краткосрочной перспективе будет трудно добиться существенного прорыва. В будущем тенденция может колебаться, как маятник*».

Германский канцлер Фридрих Мерц в интервью *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung* затрагивает ключевой момент в нынешней динамике *европеизма*: «*Метод интеграции временно достиг своих пределов с 27 государствами-членами. Сейчас сотрудничество между правительствами имеет гораздо большее значение*». Мерц упоминает Францию, Польшу, Италию и Северную Европу в инициативах “желающих” в связи с войной на Украине: «*Многое происходит именно таким межправительственным образом*». То же самое можно сказать о соглашении между Thales, Airbus и Leonardo по спутникам, которое имеет в качестве модели MBDA в ракетной технике, где также участвуют британцы из BAE Systems.

Марио Драги ввёл понятие «*прагматического федерализма*», который, по его мнению, является единственным возможным путём и инструментом, «*способным действовать вне более медленных механизмов процесса принятия решений в ЕС*», объединяя «*коалиции желающих вокруг общих стратегических интересов*». Отметим, что именно этим путём ускорило европейское перевооружение, а Лондон нашёл в нём прагматический способ пересмотра курса Брексита и восстановления связи с динамикой ЕС. В этом же направлении можно увидеть сочетание *евронационального* и *евроатлантического* подхода Джорджии Мелони, особенно в единстве с *евроатлантизмом* Берлина, что снижает значимость оговорки Рима относительно голосования большинством голосов в Европейском Совете по вопросам внешней политики и обороны.

Во взаимосвязанном движении *федеральных, конфедеративных и национальных* властей, которое всегда отличало динамику *европеизма*, сегодня стоит рассмотреть парадоксальную диалектику, согласно которой то, что формально казалось ограничением – вес государств и сохранение ими за собой суверенитета, – сегодня может оказаться фактором ускорения и централизации исполнительной власти. Стратегическая зависимость Европы от Соединённых Штатов проявилась особенно остро – как в войне на Украине, так и в Газе. Но перевооружение или действия “*коалиции желающих*” показывают, как неизвестные факторы *нестабильного американизма* могут собрать стратегический консенсус *европеизма* по-новому.

Lotta comunista, октябрь 2025 г.

Китайские капиталы и оружие для Азии

“Капиталы для Китая” (декабрь 1994 г.) и “Оружие для Азии” (январь 1995 г.) – одни из последних работ Арриго Черветто. Они входят в серию статей, посвящённых социальным, политическим и военным последствиям вторжения Азии в многополярный мир.

Уже в статье 1992 года “Перевооружение в Азии” отмечалось, что конец “холодной войны” привёл в Азии к восхождению Китая, в том числе и в военной сфере. В процессе империалистического созревания Китая соответственно менялись соотношения сил с Японией, Индией и Соединёнными Штатами. Быстрое развитие региона, подкреплённое стремительной пролетаризацией, привлекало массы капитала и подпитывало напряжённость. В это вмешивались старые метрополии империализма, предоставляя огромные потоки кредитов и оружия. Мнимый “конец истории”, превозносимый на Западе в благостном мифе о глобализации, был встречен на Востоке масштабной гонкой вооружений, которая раскрывала природу этого глобального развития и создавала новый баланс сил.

Тридцать лет спустя эти тенденции неравномерного империалистического развития, которые тогда лишь намечались, полностью реализовались. Показательно, что сегодня и капиталы, и оружие поступают уже из Китая. Дракон занял своё место в азиатском балансе сил, изменив при этом расчёты всех столиц. Вашингтон, открывший Пекину в 1971 году – как шаг сперва против Москвы, но также и против Токио, – впоследствии стал использовать асимметричный союз со Страной восходящего солнца, чтобы уравновесить поднимающегося Дракона, а также прибег к игре баланса с Индийским слоном, более или менее последовательной. По формулировке Уолтера Рассела Мида, вероятно одобренной Генри Киссинджером, США должны были сдерживать Китай военной силой, пока развитие остальной Азии, прежде всего Индии, не создаст новую региональную конфигурацию – *многополярную Азию* в индийской доктрине – способную уравновесить Китай или, по крайней мере, освободить США от части расходов на поддержание равновесия. Это предполагало долгосрочный расчёт, учитывающий неравномерное развитие, и требовало от ряда американских администраций систематического присутствия в Азии для контроля за *«временным окном»* усиления Китая – в ожидании появления региональных противовесов. Остатётся увидеть, в какой степени *торговая война* Дональда Трампа заставит союзников присоединиться к этому плану или, наоборот, оттолкнёт их, если, конечно, эта стратегия будет подтверждена его администрацией.

С одной стороны, азиатские столицы не могут исключать, что Вашингтон вернётся к приоритету прямого канала связи с Пекином, стремясь сохранить за собой прерогативу оставаться в центре всех отношений. С другой стороны – и это настоящая противоположность схеме Мида, – растущее влияние Китая подталкивает государства Азии к поиску более сложного баланса. Это своего рода *“и хочется, и колется”*: прочие азиатские державы привлекает экономический вес Китая, но в то же время настораживает его военная

мощь; они рассчитывают использовать его экономическим импульсом, но при этом сталкиваются с конкуренцией со стороны его крупных групп. Пример Индии: она не хочет поддаваться влиянию Пекина, но боится отстать, если откажется принять часть его капиталов. В любом случае, ни одна держава не может не учитывать китайский фактор при формировании своего экономического и внешнеполитического курса. В конце концов, именно империалистическое развитие Пекина, которое теперь проявляется в финансовой, политической и военной сферах, подталкивает все азиатские державы к многовекторности.

Статья в *Financial Times* о конкуренции между Китаем и Индией в Юго-Восточной Азии содержит несколько идей для изучения инструментов китайского влияния. Газета из Сити оспаривает успешную гипотезу *Le Monde* об *«азиатской весне»* – политических кризисах в Шри-Ланке, Бангладеш и Непале – которую французское издание поспешило распространить также на Индонезию и Филиппины. По утверждению *Financial Times*, Китай действовал в этих странах, устанавливая связи как с правящими, так и с оппозиционными силами, извлекая выгоду из *«переориентации»* соседей Индии. Показателен пример Бангладеш, на который повлияли капиталы “Шёлкового пути”, поставки оружия и открытие китайского рынка для бенгальских товаров с нулевыми пошлинами.

По мнению *Financial Times* – а, положительно, и принадлежащей ей японской *Nikkei*, – даже если США остаются безразличными к перемещениям на азиатской периферии, Япония равнодушием не отличается. Полёты истребителей и передвижения подводных лодок, сопровождающие миллиарды юаней, в Токио внимательно отслеживают.

Исследование Rhodium Group из Нью-Йорка подтверждает ускорение движения капитала из Пекина в Юго-Восточную Азию, что связано с сочетанием трёх тенденций. Первая – это капиталистическое развитие региона, где до пандемии рост пролетариата превышал 4 % в год и формировались крупные рынки сбыта средств производства – ещё прежде, чем появились массовые рынки потребительских товаров. Вторая тенденция – это реструктуризация китайской промышленности, которая выступает в качестве движущей силы миграции целых отраслей из Поднебесной в быстро развивающиеся соседние азиатские страны. Наконец, к этому добавилась диверсификация из Китая, предпринятая европейскими и американскими группами в ответ на торговую войну во время первого президентского мандата Трампа, продолженную и при Джо Байдене. Непреднамеренным результатом стало то, что китайские поставщики тех же европейских и американских групп часто следовали за ними, а иногда и опережали их в переносе производства в Азию. По иронии судьбы, стратегия “Китай+1” немецких концернов – оставаться в Китае и одновременно на другом крупном рынке, чтобы снизить риски – была применена самим Китаем.

Учитывая использование холдингов и оффшорных структур – что особенно характерно для Пекина, поскольку

значительная часть его иностранного капитала проходит через Гонконг и Сингапур, а также через ряд налоговых гаваней, хорошо известных старым державам, – можно оценить, что Юго-Восточная Азия поглотила большую часть китайских иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность. Треть потока за последние три года направилась в Индонезию. В свою очередь, китайские потоки составили треть иностранных инвестиций в регионе.

Китайское текстильное производство было одним из первых перенесённых в Юго-Восточную Азию, прежде всего во Вьетнам. Затем с новой азиатской базы оно нанесло удар по индонезийской текстильной промышленности, вызвав волну банкротств в последние годы. Затем последовали инвестиции в производство бытовой техники во Вьетнаме, Камбодже и Индонезии, привлечённые растущим спросом на внутренних рынках. Электроника стала частью третьей волны, следуя за западными компаниями, которые пытались уменьшить свою зависимость от Китая. Малайзия привлекла 67 % инвестиций в полупроводники, а Вьетнам – 85 % в бытовую электронику в период с 2018 по 2024 год. Наконец, четвёртая волна, начавшаяся с комплектующих и распространившаяся на электромобили, продолжается с 2021 года, с потоками в Таиланд, Вьетнам и Камбоджу в производство комплектующих; в Индонезию, Таиланд, Филиппины и Вьетнам – производство автомобилей; в Малайзию – выпуск батарей и в Индонезию – производство никеля.

Существует и японский контрапункт, на который указывают источники в Сингапуре: японские компании сохранили своё значение, несмотря на низкие темпы роста после 1990-х годов. Это особенно очевидно в Таиланде, “Детройте Юго-Восточной Азии”, где японские автомобильные концерны продолжают доминировать на рынке. Китай будет и дальше инвестировать в менее развитые экономики и секторы, в то время как Япония и Корея по-прежнему будут завоёвывать более богатые рынки. На карту поставлены сроки реструктуризации Китая в азиатской конкуренции капиталов.

Ещё более быстрыми кажутся темпы перевооружения. По данным лондонского Международного института стратегических исследований (IISS), растущий экспорт оружия из Пекина сочетается с перевооружением Азии множественными альянсами региональных игроков. Совместные учения, военные соглашения и военные заказы – вот формы, которые принимают азиатские многосторонние альянсы перед лицом военного гиганта Китая. Последний владеет третью подводных лодок и кораблей выше уровня корветов в регионе, а также двумя пятими боевых самолётов, если исключить силы азиатского развёртывания США. За последние два года Пекин провёл военные учения на различных уровнях с каждой из основных стран Юго-Восточной Азии, за исключением Филиппин. В то же время региональные игроки участвовали в маневрах с США и заключали соглашения между собой: Токио и Манила о взаимном доступе к базам, Канберра и Джакарта о военном сотрудничестве и так далее.

Согласно отчёту IISS за 2024 год, *«Азия становится очагом развития в подводной войне»* и крупным рынком расширения флотов. Значительным является присутствие немецких поставщиков, ускользнувшее от внимания крупной европейской прессы, в то время как поставки китайских подводных лодок в Мьянму, Таиланд, Бангладеш и Пакистан резко увеличиваются. Следует учитывать, что на рынке крупного оружия особое значение имеют подержанные образцы техники, которые часто используются для передачи технологий и получения новых заказов. В 1998 году Китай купил у Украины российский авианосец, который затем стал первым китайским авианосцем; в 2004 году Индия последовала его примеру, купив у Москвы списанный авианосец “Горшков”. Точно так же многие азиатские страны обращаются к старым российским или западным кораблям в своих военно-морских программах. Джакарта недавно приобрела авианосец “Гарибальди” у Италии; Бангладеш с 2014 года использовал подержанные китайские фрегаты и обратился к Пекину за подводными лодками. То же самое делает Пакистан, переходя от французских поставщиков к китайским. Токио также не остался в стороне – он передал Филиппинам три списанных эсминца.

Хели Десаи из Совета по стратегическим и оборонным исследованиям в Нью-Дели, основанного Хаппимоном Джейкобом, пишет в газете *The Hindu*, что *«в следующем кризисе между Индией и Пакистаном военно-морской фактор вряд ли останется на вторых ролях»*. Автор призывает не считать превосходство Индии само собой разумеющимся, как это произошло в мае во время воздушного столкновения, стоившего Нью-Дели нескольких истребителей, сбитых китайскими J-10, поставляемыми Пакистану. Исламабад вводит в эксплуатацию подводные лодки китайской разработки и корветы из Турции. Всё очевиднее растущее давление, побуждающее стороны продемонстрировать надёжность своих конвенциональных сдерживающих потенциалов, тогда как китайские вооружения распространяются по соседним с Индией странам. Бангладеш планирует приобрести 20 истребителей Chengdu J-10. Однако настоящим переходом через Рубикон для Китая является военная многовекторность Индонезии, которая планирует приобрести 43 истребителя J-10 в дополнение к французским и американским поставкам: это важный шаг для первой державы Юго-Восточной Азии. Согласно авторитетным китайским источникам, Малайзия также проявляет интерес.

То, что в азиатском эпицентре развернётся гонка нового цикла мирового перевооружения, было почти предсказуемо и, как бы то ни было, широко прогнозировалось марксистским анализом. Однако последствия перекрёстных движений капитала и оружия в системе государств требуют специального анализа, который должен учитывать как военные соглашения с Китаем, так и международную реакцию на его перевооружение, предвещающую завтрашние соглашения и разломы.

Прибыль, пузыри и долги

Современная мировая экономика – это калейдоскоп стремительно меняющихся картин и настроений. Ситуация с тарифной войной Дональда Трампа, кажется, стабилизировалась, но противостояния и перемирия между США и Китаем стали нормой. В Европе поиск новых торговых соглашений переплетается с началом масштабного перевооружения. Ожидания, вызванные “эпохальными” технологическими инновациями, такими как искусственный интеллект, привлекают сотни миллиардов долларов инвестиций и с той же страстью подпитывают страх перед новым пузырьём, который может лопнуть и обратить эти капиталы в прах. США, играя мускулами, лишь обнажают свою дряхлость своими нелепыми и гротескными движениями – в парализующих страну шатдаунах и падении доллара, тогда как золото достигает немислимых высот.

Оптимизм и пессимизм чередуются на фоне баснословных прибылей и огромных долговых обязательств, провоцирующих неожиданные обвалы. И всё это происходит в ускоряющиеся и жестокие времена кризиса порядка. В редакционной статье *Financial Times* мировая экономика названа «калейдоскопической» и рекомендован «скептический» подход: воспринимать рынки «такими, какие они есть на самом деле: устойчивыми, удачливыми и хрупкими одновременно».

Яды и противоядия

Апрельские отчёты МВФ, опубликованные через десять дней после «Дня освобождения» Трампа, когда были введены двузначные тарифы против всех стран, были полны разочарования и неопределённости. В октябрьских отчётах умеренный оптимизм в отношении нынешнего цикла (*“World Economic Outlook”, WEO*) сочетается с опасениями по поводу «збыучих песков под спокойной поверхностью» (*“Global Financial Stability Report”, GFSR*). Темпы роста мировой торговли в 2025 году вырастут с 1,7 % (апрельская оценка) до 3,6 %. Рост ВВП, опустившийся ниже 3 % в апреле, восстановится до 3,2 %, но останется ниже среднего допандемического уровня в 3,7 %. Самая большая коррекция произойдёт в Китае (с 4,0 до 4,8 %), который достигнет темпов роста, более чем вдвое превышающих темпы США (2,0 %) и в четыре раза превышающих темпы еврозоны (1,2 %). Военная экономика России, вероятно, уже выдохлась, опустившись до 0,6 % после 4,3 % в 2024 году.

МВФ объясняет, почему американские пошлины оказались менее катастрофическими, чем ожидалось. Было предусмотрено несколько исключений; большинство стран стерпели протекционизм США, оставив его без ответных мер; система в целом осталась открытой; гибкий частный сектор заранее создал крупные импортные запасы и перестроил цепочки поставок; импортёры поглотили часть пошлин, чтобы отсрочить их влияние на потребителей; ослабление доллара облегчило долговое бремя развивающихся стран; масштабные инвестиции в технологии поддержали спрос и фондовые рынки; Германия провела решительную фискальную экспансию. Тем не менее, базовая инфляция в США ухудшилась, а рынок труда оказался в затруднительном положении, в том числе из-за позорной высылки более двух миллионов иммигрантов.

Скрытые риски небанковских организаций

По мнению главного экономиста МВФ Пьера-Оливье Гуринаша, пока преждевременно давать окончательную оценку последствиям введения тарифов, которые проявятся лишь со временем. WEO

проводит параллель между скоростью развития тарифного шока и Брекситом: «*Опыт Брексита – яркий пример. Уровень неопределённости резко возрос перед референдумом 2016 года. Инвестиции в бизнес продолжали расти сразу после выхода Великобритании из ЕС и начали снижаться лишь в начале 2018 года*». Директор-распорядитель МВФ Кристалина Георгиева не исключает возможности того, что «поток товаров, ранее предназначенных для рынка США, может спровоцировать второй раунд повышения тарифов». Но Гуринаша настроен оптимистично, возможно, даже слишком оптимистично: он описывает сценарий, в котором глобальный рост может в краткосрочной перспективе прибавить один процентный пункт к прогнозу благодаря торговым соглашениям (0,4 п. п.), возврату к прежним тарифам (0,3 п. п.) и повышению глобальной производительности труда, подпитываемой искусственным интеллектом (0,4 п. п.).

Департамент денежно-кредитных систем и рынков капитала традиционно играет в МВФ роль Кассандры. Он должен выявлять риски, таящиеся в сфере развития и финансов. Сейчас департамент выделяет три основных.

Первый – это гипертрофия так называемых небанковских учреждений, таких как страховые компании, инвестиционные фонды, фонды прямых инвестиций, пенсионные фонды, которые также выполняют банковские функции (кредитование, инвестиции, брокерские услуги), но не собирают депозиты и, следовательно, не подпадают под банковское регулирование и надзор.

Сегодня небанковские структуры контролируют половину мировых финансовых активов и половину ежедневного оборота валютного рынка. Они развили – особенно после мирового финансового кризиса – тесные взаимосвязи с банковской системой, поэтому негативные изменения в их деятельности сказываются на банках. МВФ предупреждает, что американские и европейские кредитные организации в настоящее время имеют открытые позиции перед небанковскими организациями на сумму 4,5 трлн долл., а значительное число банков имеет открытые позиции перед небанковскими посредниками, превышающие их капитал первого уровня.

Пузыри и долг

Второй серьёзный риск связан с ростом акций технологических компаний на фондовом рынке, на которые в настоящее время приходится 35 % рыночной капитализации 500 крупнейших компаний – доля, сопоставимая с уровнем «пузыря доткомов», того самого интернет-пузыря, раздувшегося в 1990-е годы и лопнувшего в 2000 году. МВФ отмечает, что сегодняшние фондовые рынки менее переоценены, чем тогда, и что задействованный капитал – к лучшему или к худшему – гораздо более концентрирован: 33 % от общего объёма принадлежит “великолепной семёрке” высокотехнологичных компаний, каждая из которых имеет рыночную капитализацию в триллионы долларов. Гита Гопинат, бывший главный экономист МВФ, ныне работающая в Гарварде, в статье в *The Economist* под считала, что «коррекция рынка», подобная краху доткомов, уничтожит 20 трлн долл. богатства американских домохозяйств, что эквивалентно 70 % ВВП, и сожжёт 15 трлн долл. мирового богатства. Джефф Безос, хозяин Amazon и *Washington Post*, отвергает сравнение со спекулятивными пузырями: нынешний пузырь – это «промышленный пузырь», поддерживаемый масштабными производственными инвестициями в искусственный интеллект.

Третий серьёзный риск связан с фискальными дисбалансами и госдолгом,

которым МВФ посвящает отдельный доклад. К 2029 году глобальный долг превысит 100 % ВВП, что станет самым высоким показателем с 1948 года. Среди “развитых” стран лидируют США, которые увеличат соотношение своего долга к ВВП на 21 п. п. в период с 2024 по 2030 год (со 122 до 143 %). На этот раз лозунг “America First” обозначит не политическое, а долговое первенство. Среди “развивающихся” стран лидером станет Китай, чей показатель увеличится на 28 п. п. (с 88 до 116 %, согласно консервативным подсчётам *Fiscal Monitor*). В еврозоне соотношение долга к ВВП вырастет всего на 5 п. п. (с 87 до 92 %), и на этот раз тормозить этот процесс будут как раз те страны, которые пятнадцать лет назад считались расточительными: в то время как Франция увеличит это соотношение на 16 п. п. (с 113 до 129 %), а Германия – на 10 п. п. (с 64 до 74 %), Италия – всего на 2 п. п. (со 135 до 137 %); Греция сократит долг на 25 п. п. (со 155 до 130 %), Испания – на 9 п. п. (со 102 до 93 %), Португалия – на 18 п. п. (с 95 до 77 %), а Ирландия – на 11 п. п. (с 39 до 28 %). Соотносятся ли эти прогнозы с европейскими планами перевооружения? Кто оплатит этот счёт? Или эти цифры предвещают реализацию программы Марио Драги, которая может снизить соотношение долга к ВВП за счёт ускорения роста знаменателя?

Международный валютный фонд и повестка Драги

В июне 2025 года Георгиева обратилась к Еврогруппе с призывом реализовать рекомендации докладов Драги и Летты, в которых «Европа определила стратегическую повестку дня». «Для Европы, – сказала она, – всё очень просто: либо Европа действует, либо рискует оказаться в стороне. Относительный спад не произойдёт в одночасье; он будет постепенно нарастать, но это не сделает его менее реальным. Нет времени на промедление». Георгиева констатировала отставание процесса объединения Европы от динамики единого рынка: на каждые 100 евро добавленной стоимости, произведённой в странах ЕС, внутренние границы пересекают товары стоимостью всего 20 евро, в то время как в Соединённых Штатах на каждые 100 долл. добавленной стоимости пересекают границы штатов товары стоимостью 45 долл. Ключевой причиной такого отставания является низкий уровень концентрации: каждый пятый работник в ЕС работает в компании с менее чем 10 сотрудниками, и этот показатель вдвое больше, чем в Соединённых Штатах. В начале октября Георгиева, представляя в Вашингтоне первые тезисы докладов МВФ, вновь подчеркнула необходимость безотлагательных стратегических действий: «Моей любимой Европе – немного жёсткой любви: хватит риторики о повышении конкурентоспособности, вы знаете, что нужно делать. Пора действовать». Затем последовали конкретные предложения. Среди наиболее важных – назначение «царя единого рынка», что стало бы признанием неспособности Еврокомиссии эффективно выполнять эту функцию; создание «энергетического союза»; необходимость «догнать динамизм частного сектора США».

Лагард и международный евро

Срочность стратегической повестки для Европы выдвинула Кристин Лагард на передний план. На Международной конференции по монетарной политике, состоявшейся в Банке Финляндии в конце сентября, она заявила, что американские тарифы подчеркнули необходимость повышения роли внутреннего рынка в европейской стратегии, которому до сих пор уделялось меньше внимания по сравнению с мировым рынком. Торговая война

вынудила все заинтересованные страны искать новых торговых партнёров и расширять свои внутренние рынки. Устранение внутренних барьеров занимает центральное место и в докладе Драги: в этом контексте европейское перевооружение может стать движущей силой как промышленной политики, так и европейской обороны. Драги также разъясняет свой тезис о «плохом» и «хорошем» долге: речь идёт не только о долге, предназначенном для потребления или инвестиций; «в некоторых секторах хороший долг больше невозможен на национальном уровне, поскольку инвестиции, осуществляемые изолированно, не могут достичь масштабов, необходимых для оправдания долга, который их финансировал, и для повышения производительности». Развитие единого рынка, стратегические инвестиции, хороший долг и промышленная политика – всё это грани одной и той же континентальной призмы, они дополняют обширные торговые соглашения и евро как международную валюту.

На мероприятии Business France (7 октября, Париж) Лагард выступила с речью, отличившейся редкой пылкостью. Недостаточная глубина европейского рынка капитала является камнем преткновения для европейской стратегии и вызывает «разочарование, которое многие из нас испытывают сегодня». «Мы – “невинные наблюдатели” политических решений, принимаемых в Вашингтоне, и решений о распределении портфелей, принимаемых по всему миру, на которые мы практически не имеем влияния. Такая позиция неустойчива. Мы не можем оставить пассивной гавань, поглощающей потрясения, возникающие в других местах. Мы должны обладать валютой, которая сама определяет свою судьбу. Путь вперёд – укрепление международной роли евро, чтобы перейти от промежуточной валюты к полноценной международной валюте».

Долг и международная валюта

Управляющий Банка Франции Франсуа Вильруа де Гало разделяет позицию Лагард: «Это должен быть момент Европы и момент евро. Сейчас или никогда: валюты развивающихся стран нас не ждут». Однако, по мнению Вильруа, этот процесс необходимо ускорить, развивая «безопасные активы», то есть предлагая долговые обязательства ЕС, которые станут «катализатором международной роли евро». Однако Лагард с этим не согласна. Её возражение ясно: «Наша финансовая система с трудом направляет наши сбережения даже на производительные инвестиции. Более 11,5 триллионов евро сбережений домохозяйств по-прежнему хранятся в виде депозитов, что эквивалентно трети всех ликвидных активов. В этом контексте приток активов-убежищ вместо того, чтобы стимулировать рост, рискует подтолкнуть евро вверх и привести к увеличению издержек для европейских экспортёров». Вильруа считает, что благоприятным моментом нужно воспользоваться немедленно. Но это означает ставить телегу впереди лошади, возражает Лагард. Европейские сбережения и иностранный капитал должны направляться на рынок капитала ЕС, а не на рынок долга, если только речь не идёт об обороне. Более того, необходимы торговые соглашения и соглашения об учёте торговых операций в евро. К другим рычагам ускорения перехода на глобальный евро относятся цифровой евро ЕЦБ, своповые сети ЕЦБ, которые будут гарантировать ликвидность партнёрам в периоды кризиса, и институциональная целостность центрального банка. Здесь очевидна отсылка к осадному положению, в котором оказалась ФРС.

Демографические и миграционные тенденции

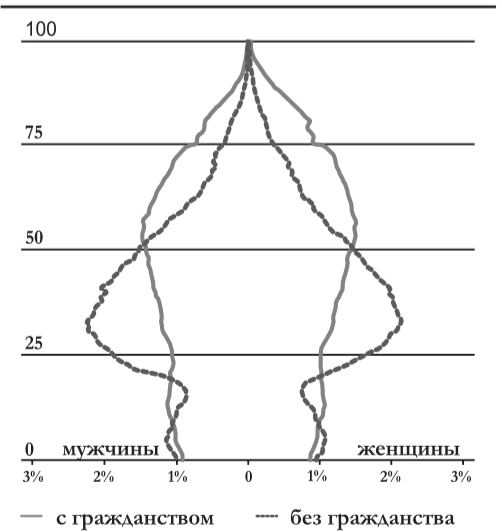
“Крепость Европа”, поддерживаемая иммигрантами

II

Диаграмма Евростата даёт наиболее наглядное представление о миграционной ситуации в “Европе-крепости”: с 2015 по 2021 год ежегодный приток в страны ЕС варьировался от примерно 2 до 2,6 миллиона человек; одновременно происходил и отток – в страны за пределами ЕС ежегодно уезжали от 1 до 1,3 миллиона человек. Разница между этими потоками представляет собой чистую иммиграцию из стран, не входящих в ЕС, и остаётся стабильно выше миллиона человек в год – сопоставимо с уровнями миграции в США. Таким образом, каждый год в одну или в другую стороны через ворота “крепости” проезжает 3–4 миллиона человек. К этому добавляются перемещения внутри ЕС, из страны в страну, которые также носят постоянный и регулярный характер и в основном обусловлены рынком труда со всеми его составляющими, включая образование, и соответствующими меняющимися потребностями.

Поэтому нелегко разобраться в этой динамике миграции массы мужчин, женщин и детей, которые, как правило, намного моложе коренных жителей, переезжают из одной страны в другую, возвращаются домой после работы или учебы за границей, привозят семьи, расширяют их, образуют смешанные семьи с местными жителями и – некоторые из них – решают получить гражданство после определённого количества лет, переезжают для получения образования и так далее.

Одним из показателей глубинной устойчивости этих процессов служит число получений гражданства: с 2010 по 2021 год оно колебалось между 605 тысячами до 827 тысячами в год, с тенденцией к росту. Учитывая известные политические сложности, с которыми во многих странах сопряжено получение гражданства, это яв-

Сравнение возрастных пирамид населения ЕС-27, разделённых на граждан (серая линия) и неграждан (красная линия) – т. е. иммигрантов с иным гражданством – наглядно показывает, для чего нужна иммиграция и какой была бы Европа без неё: иностранные граждане заполняют провал в возрастной группе 18–50 лет, которая имеет решающее значение для рабочей силы и необходима для функционирования машины европейской экономики.

Источник: Eurostat, данные 2022 года.

ТЕКУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Германия. Страна окончательно утвердилась в качестве главного полюса притяжения иммигрантов как из стран ЕС, так со всего остального мира. В 2021 году почти треть въехавших – выходцы из стран ЕС, более половины – из стран вне Европы, остальные – немецкие репатрианты. В целом родившиеся за рубежом составляют 19 % населения Германии, то есть более 15 млн – почти каждый пятый житель. Из них 9 млн выходцы из стран вне Европы, более 6 – из других европейских стран. Получили гражданство в 2021 году почти сто тысяч человек, три четверти из них – граждане стран, не входящих в ЕС.

Франция. Доля иммигрантов из стран ЕС в 2021 году вдвое ниже, чем в Германии, а две трети приехали из-за пределов ЕС. Родившиеся за рубежом составляют 13 % населения, подавляющее большинство из них приехали из-за пределов ЕС.

Италия. Высокая доля иммигрантов из-за пределов ЕС (70 %), доля родившихся за рубежом чуть более 10 %, три четверти из них также выходцы из неевропейских стран.

Испания и Португалия. Структура иммиграции в Испании в 2021 году была сходна с итальянской и французской, тогда как Португалия приняла значительно больше репатриантов. Доля родившихся за границей: 16 % и 12 %.

Греция. Абсолютные значения и процентные доли близки португальским.

Польша и Румыния. Обе страны со значительной долей репатриантов в 2021 году и с одинаково низкой долей родившихся за рубежом (3 и 2 %). Это закономерный результат того, что на протяжении десятилетий эти страны были источниками эмиграции, в основном в другие страны ЕС.

Венгрия и Болгария. Сильное сходство с Польшей и Румынией; но в Венгрии доля рождённых за рубежом превысила 6 %, что свидетельствует о растущей иммиграции.

Швеция и Дания. Что касается Швеции, происхождение иммигрантов в 2021 году схоже с Францией и Италией; количество жителей, родившихся за рубежом, превысило 2 млн человек (20 % жителей, больше, чем в Германии). Аналогичная ситуация в Дании, где их 13 %.

Бельгия, Нидерланды, Австрия. Иммиграция во многом из стран ЕС и по масштабу аналогична Германии; иностранные уроженцы – 18, 15 и 21 % соответственно.

Чехия и Словакия. Родившиеся за рубежом составляют менее 5 %.

Швейцария и Норвегия. Более половины въехавших в 2021 году – выходцы из ЕС; доля родившихся за рубежом составляет 17 % (Норвегия) и впечатляющие 30 % в Швейцарии. Примечательно, что в 2021 году уровень предоставления гражданства в Швейцарии в пересчёте на численность населения был втрое выше среднеевропейского.

ляется весьма ясным и нарастающим показателем интеграции мигрантов: каждый год звание полноправных граждан “Европы-крепости” выдаётся почти миллиону иностранцев, въехавших в неё зачастую много лет назад. Но и здесь сегодня всё быстро меняется: так, в Испании в последние годы стали использовать смягчённые механизмы jus sanguinis (права крови), чтобы, предлагая гражданство, поощрять возвращение потомков прежних эмигрантов. Нечто подобное делает и Португалия.

Несомненно лишь то, что это непрерывное движение, схематично и неизбежно упрощённо называемое “миграцией”, на деле представляет собой органичный элемент капиталистического способа производства в фазе зрелого империализма, продукт его закона неравномерного развития, невозможности достичь соответствия между демографическими тенденциями и потребностью в рабочей силе. Демографическая зима лишь ускори-

ла эти процессы, изменила их масштаб и формы.

“Рынок труда под давлением”

«Стареющее население угрожает экономике», – с таким заголовком на первой полосе вышла газета французской буржуазии *Le Figaro*, которая посвятила этой теме ещё две страницы, а также колонки комментаторов. В частности, издание отмечает: «во Франции, как и в Европе, падение рождаемости и увеличение продолжительности жизни оказывают давление на рынок труда и системы здравоохранения» (19.05.2025). Более значимым, чем сами цифры и статистика, на которых строится материал, является то, что столь большое место по-прежнему уделяется этой теме. Не менее важно, какие расставлены акценты: «угрожает экономике» и рынок труда «под давлением» – не только во Франции, но и во всей Европе.

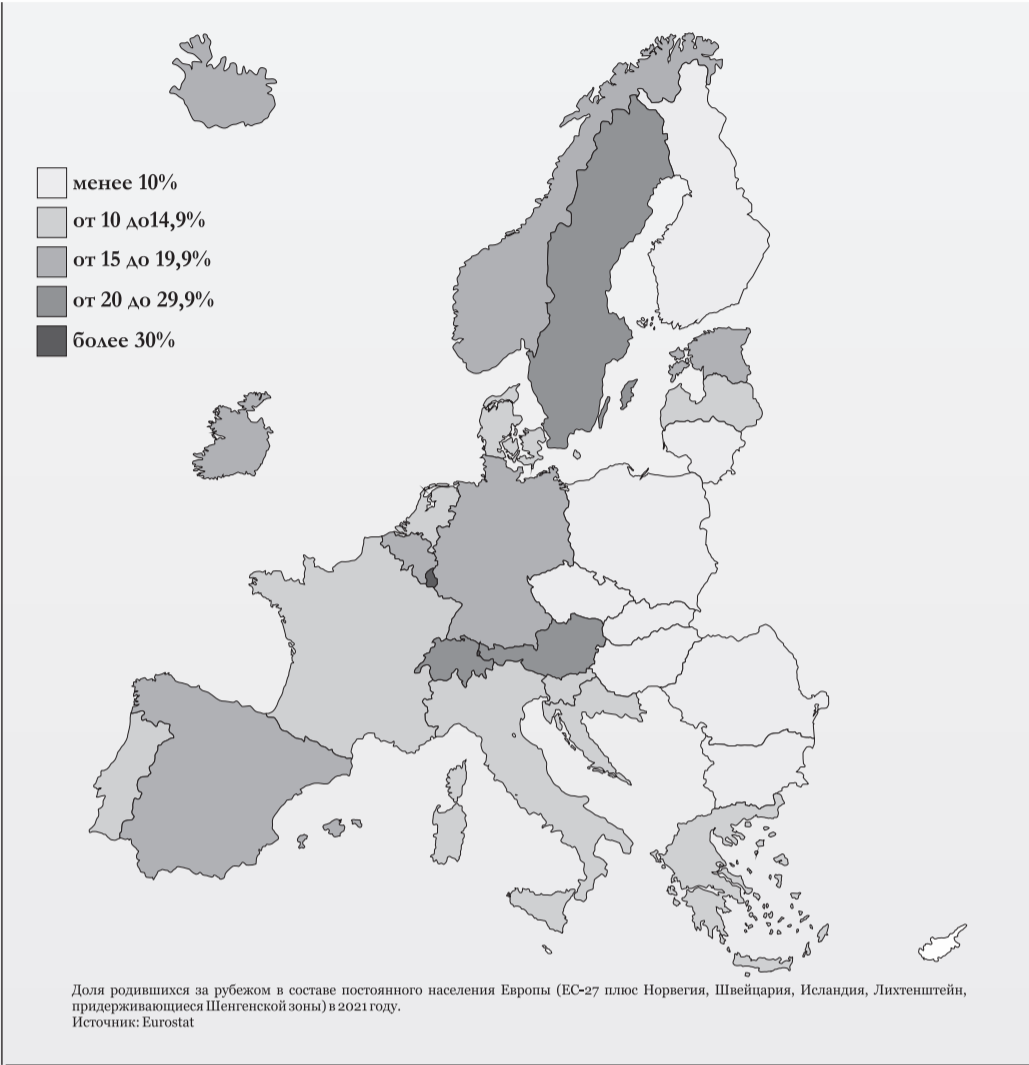
Эти публикации, как и множество других, всё чаще появляющихся в ведущих европейских изданиях, отражают растущую тревогу в среде европей-

ской буржуазии. Беспокойство растёт и порождает ощущение, что иммиграция – даже если её удастся в какой-то мере “регулировать” специальными законами, которые сейчас пытаются ввести практически все страны ЕС – в краткосрочной перспективе может оказаться недостаточной для решения нынешних проблем нехватки рабочей силы для производственного аппарата.

На этом фоне можно утверждать, что интерес европейской буржуазии к чисто демографической стороне вопроса (низкий коэффициент рождаемости, падение рождаемости, естественная убыль населения, стимулы к деторождению), хотя и очевидный, отходит на второй план, поскольку, как известно, результаты подобных усилий появятся не ранее чем через двадцать лет. Однако рабочая сила нужна уже сегодня, и компании не могут ждать.

Неизбежно, что “Европа-крепость” должна всё больше опираться на иммиграцию.

Lotta comunista, январь 2024 г.

Теоретические и политические

IV

Публикуем отрывок из предисловия к вышедшему из печати изданию избранных работ Арриго Черветто.

Пражский кризис показал, что ялтинское равновесие в экономическом плане больше не имело оснований. Как и предполагали размышления начала 50-х годов и прочитанные в Аргентине тексты, десятилетия послевоенного развития вновь превратили Германию в экономическую державу, а СССР был вынужден занять кровавую оборонительную позицию.

Тактика в кризисе школы, сражение в борьбе наёмных рабочих за перспективы тред-юнионизма и кризис нарушения равновесия

Это же бурное развитие было одной из причин французского кризиса, кульминацией которого стали майские студенческие демонстрации в Париже. В Италии десятилетия экономического чуда стали основой кризиса нарушения равновесия: государство, партии, идеологии не поспевали за экономическими изменениями, за выросшим весом крупного капитала, за потребностью крупной буржуазии в индустриальном государстве, которое сопровождало бы вхождение Италии на европейский рынок. Частью этого нарушения равновесия была и система образования; в накалённой атмосфере после французского мая волны студенческих волнений стали его отражением. “Ленинская тактика в кризисе школы” была вмешательством в это движение, которое открывало новую возможность для укоренения партии, учитывая, что опыт десяти потерянных лет в Azione Comunista защищал от любых соблазнов мувементизма¹.

«Моя идея была проста, хотя и вытекала из более глубокой и тщательной диагностики сложной международной политики; идея была настолько проста, что некоторые молодые люди смогли её понять и успешно применить: студенческое движение будет полностью поглощено оппортунизмом. Часть его можно спасти, чтобы сформировать кадры, необходимые для организации наиболее сознательных рабочих, которые после сорока лет контрреволюции не в состоянии сделать это самостоятельно»

но. Некоторые из наших пролетарских активистов, застывшие в примитивной пропаганде, не поняли эту простую идею. Те, кто её понял, развивали партию вместе с новыми силами».

Тезисы о тактике в кризисе школы также основывались на международном анализе цикла капиталистического развития; к этому добавлялось исследование – опиравшееся на послевоенный опыт и исторические знания – того, как ускоренные перемены воздействовали на общественную психологию.

«В 50-е и 60-е годы капитализм переживал бурный подъём, распространившийся по всему миру. В наших тезисах 1957 года именно это расширение капитализма рассматривалось как характерная черта продолжительности контрреволюционной фазы. Темпы роста были в два раза выше, чем в среднем за столетие. Это было новшеством, которое должно было породить новые явления в сфере надстройки. В течение многих лет я думал, что следствием этой тенденции будет рост пролетаризации. Так и произошло, но он сопровождался непредвиденным явлением. Точнее сказать, непредвиденным для Италии, поскольку, изучая Соединённые Штаты и японскую Zengakuren², я установил, что для более зрелых метрополий это был уже очевидный факт.

Италия в мировом контексте была одним из самых динамичных рынков. За одно поколение она преодолела путь, на который раньше уходило два. Это означает, что в течение своей активной жизни человек подвергался исключительным социальным потрясениям, масштабы которых он не мог осознать и к которым у него даже не было времени психологически адаптироваться. Исключительно быстрый рост производительных сил и доходов привёл к массовому распространению школьного образования. Все недостатки отцов перешли к детям, только в ускоренном виде. Другими словами: все глупости, на которые у отцов ушло двадцать лет, дети совершили за один. Это подтолкнуло отцов за тот же год израсходовать остаток собственных глупостей, продемонстрировав тем самым свою неспособность понять глупости своих детей. В результате за год отцы и дети выразили всю глупость, которую они накопили. Это было сосредоточение всех национальных пороков, ярмарка всей итальянской политической патологии в её различных исторических слоях и во всех вариантах.

Я наблюдал за этим зрелищем сначала с недоверием. Оно казалось мне необъяснимой галлюцинацией. Что-то, напомнившее 8 сентября: но тогда это была мировая буря, которая обрушила итальянские стропила. Возможно ли, что в период “тучных коров”, когда мировая ситуация была успокоена разрядкой в международных отношениях, отцы и сыновья волнуются из-за пустяков? Возможно ли, что всеобщий характер приобретали вызовы и контрвызовы Генуи 1960 года?

Это оказалось возможным. Постепенно я осознал эту истину и понял многое, что при чтении не мог объяснить себе: почему Кавур играл с Гарибальди как с марионеткой, почему Италия не выиграла ни одного сражения, почему актёр Муссолини мог рассказывать такие чудовищные небылицы, почему Италия была католической и почему она также отчасти была сталинской. Она могла быть и тем, и противоположным – потому что противоречие существовало в логике, но не в реальности.

Внимательно наблюдая за этой реальностью, которая проносилась у меня перед глазами, я углубился в проблему

соответствия между движением экономики и движением политической и культурной надстройки. Явное несоответствие, которое существовало в Италии, вызывало кризис. Я назвал его “кризисом нарушения равновесия”. Я мог бы назвать его и “кризисом несоответствия”.

Я перечитал переписку Маркса и Энгельса и вновь обратил внимание на многое, что упустил при первом прочтении несколько лет назад. За пару зимних месяцев я понял, какое удовлетворение, должно быть, испытывал Ленин, когда “консультировался” с Марксом и Энгельсом. То, что при поверхностном чтении может показаться пережитками предрассудков той эпохи и как таковое отбрасывается с добродушной и идиотской самонадеянностью, на самом деле является глубокими реалистичными суждениями, которые только зрелость и политическая практика позволяют оценить по достоинству.

Часто, оценивая ситуацию или даже отдельный факт, мы боимся невольно воспроизвести один или несколько предрассудков – что, впрочем, неизбежно. Но чрезмерный страх приводит к искажению: в попытке избежать предрассудков мы рационализируем несуществующую реальность. Много раз я считал некоторые свои впечатления, основанные на практическом смысле, малозначительными, потому что боялся, что они были подвержены влиянию предрассудков. Я обещал себе изучать их более глубоко, прежде чем считать их обоснованными.

Перечитав “Переписку”, я понял, что ошибался. Там, где я сомневался, не являются ли мои суждения предрассудками, на деле ими не были. Маркс и Энгельс подробно останавливаются на “национальных характерах”, приводя массу подробностей: наблюдения, актуальные и сегодня. Именно их глубокое знание экономической, политической и культурной истории больших и малых стран позволяет им дать столь научное описание “национальных характеров”. Без этих знаний легко воспроизводить идеологические стереотипы о тех или иных народах, даже когда нам кажется, что мы от них свободны. Настоящая проблема заключается в том, чтобы научно проанализировать “национальные характеры”, а не в том, чтобы утверждать, что их не существует. То, что психология не определяет социальную жизнь, не означает, что психология является несущественным аспектом анализа социальной жизни. То же самое можно сказать о “моральном факторе” в военном вопросе, который является, как его называет Плеханов, не чем иным, как “социальной психологией”, особой общественной деятельностью военного характера. Размышления над суждениями Маркса и Энгельса, помимо подтверждения того, о чём я до этого думал смутно и случайно, позволили мне более точно и детально взвесить ситуации, которые прежде я оценивал на основе обобщений, неизбежно ведущих к ограниченному абсолютизациям. Скорее всего, я бы всё равно пришёл к таким выводам, но – без знаний, полученных из работ классиков, и, прежде всего, без осознания необходимости основывать оценку, например, “национальных характеров” на правильной теоретической базе. Я бы остался на уровне простого эмпиризма.

Таким образом, я был в состоянии понять практические проявления массовых движений, которые в те годы – и в последующие – выходили на первый план, с которыми я мог теперь вступать в тесный контакт. Для меня повторилась ситуация, подобная той, что сложи-

лась во время антифашистской борьбы и в первые послевоенные годы, до того, как политический выбор заставил меня уйти в ограниченный мир меньшинств. Только теперь моя роль изменилась, и я оказался в положении, когда мне приходилось руководить тысячами людей и влиять на них. Иметь более широкие и в то же время более точные представления, чтобы оценить “национальный характер” этих движений и этих людей, становилось полезным и, в конечном счёте, необходимым.

Мне удалось быстро наметить эти “черты” и дать им оценку, которая со временем оказалась в целом верной. Конечно, эти мои суждения, полученные в результате анализа бесконечного множества аспектов и накопленного опыта, я – исходя из политической необходимости – сформулировал в виде некоторых абсолютизаций. Они должны были стать ключевыми идеями, если мы хотели отобрать людей, способных действовать в направлении, отличном от максималистской стихийности движений, порождённых противоречиями империалистически зрелого итальянского общества.

Время показало, что я был прав. Новое политическое поколение унаследовало “национальные черты” в худшем их проявлении. Иначе и быть не могло. Нет причин, по которым могло быть иначе. Только огромные потрясения, которые неизбежно ставят новое политическое поколение перед драматическими выборами – выборами, которые суть персональные выборы жизни, за которые приходится дорого платить, – могут привести к разрыву с прежним курсом. В этом случае новое политическое поколение может произвести политический и теоретический поворот, сформировать иные кадры, в которых на первый план выйдут одни черты и будут подавлены другие.

Не было потрясений такого масштаба, и, следовательно, не могло быть исторического разрыва. Перефразируя Маркса, можно сказать, что трагедия мировой войны, породившая одно политическое поколение, повторилась как фарс в социальных последствиях, породивших следующее поколение. Фарс достиг крайних пределов: антиамериканизм при максимальной американизации, антипотребительство при максимальным потреблении, интеллигентуализация при максимальном невежестве, антикапитализм при максимальном паразитизме и т. д.

Старое политическое поколение беззастенчиво отразилось в молодом. Мне довелось увидеть рождение и трагедии, и фарса. От трагедии я страдал, прежде чем вскоре её преодолел, а над фарсом мне оставалось только смеяться. Мне не нужно было много времени, чтобы это понять. Достаточно было одного взгляда. Я всегда надеялся на новое поколение, которое принесёт с собой теоретическое и политическое брожение, необходимое для возрождения марксизма. Только повысив теоретический и политический уровень противостояния, воинствующий марксизм может быстро подняться, испытать себя, усовершенствоваться».

1969 год стал годом “горячей осени”. Его отправной точкой также было ускоренное развитие экономического чуда и его последствия для межклассовых отношений. За четверть века это развитие сформировало обширный пролетариат и частично сосредоточило его в промышленном треугольнике; теперь наступил переломный момент: профсоюзы, подчинённые парламентским партиям и их межклассовому подходу, с трудом выражали порыв молодого ра-

**Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию**

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

сражения Арриго Черветто

бочего класса к борьбе за повышение заработной платы. Существовала вероятность, что из кампании по обновлению трудовых контрактов и из волны стихийных забастовок, начавшихся на крупных фабриках Севера, могла возникнуть единая профсоюзная организация, больше не подчинённая межклассовой логике парламентаризма, – нечто напоминающее тред-юнионы или крупные немецкие профсоюзы, органично связанные с социал-демократическим реформизмом. Это переплеталось с кризисом нарушения равновесия и политическими потребностями ключевых групп итальянского империализма; реформистская линия крупного капитала могла бы найти свою массовую базу в тред-юнионистском профсоюзе и в широкой рабочей аристократии.

Как и в случае с кризисом школы, «перспективы профсоюзного движения» стали поводом для ленинской тактики; импульс к борьбе за повышение заработной платы и меньшее влияние парламентаризма могли бы облегчить укоренение на крупных фабриках. Тред-юнионистский сезон закончился слишком быстро, но всё же позволил привлечь несколько отрядов молодых рабочих, которые присоединились к сотням студентов, завоёванных в университетах; из этих двух битв – в школах и на фабриках – вышло второе поколение Lotta Comunista. И здесь анализ капиталистического развития с его социальными и политическими последствиями стал предпосылкой для борьбы.

«В течение многих лет я считал, что преобладающей линией в метрополии была реформистская, даже если она с трудом находила завершённое политическое выражение и сталкивалась с препятствиями. В своих статьях я уже давно отмечал влияние международного фактора, который делал преобладание этой линии необходимым.

В серии статей, опубликованных в конце 1968 года, я реконструировал процесс империалистического экспорта капитала в развивающиеся страны и подчеркнул роль итальянского империализма с его наиболее динамичными группами. Однако оставался вопрос – почему преобладающая тенденция итальянского капитализма не смогла создать адекватную надстройку. Этот вопрос занимал меня в течение многих лет и продолжает занимать до сих пор. Проведя обширное исследование военного вопроса, его теоретиков и его истории, я увидел, какое значение имеет то, что в этой конкретной области называется “моральным фактором”, и как именно в отношении этого фактора анализ общей проблемы становится особенно недостаточным или, во всяком случае, лишённым общепринятых выводов. Если по некоторым аспектам военного вопроса различные школы относительно легко приходят к согласию, то по “моральному фактору” это почти невозможно. Когда оцениваются вооружение, стратегии, сражения – диапазон интерпретаций сужается; но когда дело доходит до оценки людей, он, напротив, расширяется безмерно. Иначе и быть не может, потому что тут вступают в силу различные симпатии, опыт, исторические знания, мировоззрение и жизненные взгляды, представления о человеке. Наука неизбежно покидает надёжный путь проверяемости, чтобы углубиться в чащу субъективности. При равном оружии и объективной силе две армии имеют разные командования и войска. Именно это различие в “моральном факторе” в конечном итоге определяет соотношение

сил и исход их противостояния. История этих армий, этого командования, этих войск приобретает в таком противостоянии колоссальное значение.

Так обстоит дело в политике, которая затем проецируется – другими средствами – на военную сферу. В начале 1969 года в редакционной статье о “фашизме и демократии”, где я вновь утверждал, что это две формы буржуазной диктатуры, я рассматривал двадцать ведущих итальянских компаний из рейтинга Mediobanca с общим товарооборотом 6 трлн лир. Четыре из них (FIAT, Pirelli, IRI, ENI с общим оборотом 3,4 трлн) открыто выражали реформистско-демократическую линию, которая была преобладающей в итальянском капитализме. В мае-июне, в статье “Интернационализация рабочей борьбы”, накануне “горячей осени”, я утверждал, что средняя производительность итальянской системы была низкой по сравнению с конкурирующими метрополиями, и что классовая борьба в Италии была связана с процессом интеграции итальянской экономики в мировой рынок и с растущей “интернационализацией капитала”. В июле-августе в редакционной статье “Генеральная линия итальянского капитализма” я отверг тезис о том, будто кризис итальянского государства был революционным. Я цитировал оценки, исходившие из кругов FIAT и ENI, согласно которым существовал “политический разрыв” – наряду с технологическим, – поскольку партии больше не выражали реальное общество. Промышленный капитал был заинтересован в том, чтобы тред-юнионистские профсоюзы заполнили политический разрыв и представляли реальное общество. Таким образом, не было революционного кризиса государства, а была необходимость системы вооружиться империалистическим государством, способным выдержать конкуренцию на мировом рынке, адаптироваться к интернационализации капитала и способствовать необходимому повышению общей производительности. Отношения между экономическим базисом и политической надстройкой в Италии имели “характеристики нарушения равновесия”. Это нарушение равновесия и было настоящим кризисом Италии.

В течение четырёх месяцев газета не выходила. В феврале-марте 1970 года заголовок редакционной статьи уже звучал так: “Кризис нарушения равновесия итальянского капитализма”. Кризис не является революционным, а представляет собой “кризис нарушения равновесия”, то есть “кризис дисфункции” или “кризис функционирования”. Недостаточно просто утверждать, что экономика детерминирует политику. Необходимо проанализировать, как и посредством какого процесса тред-юнионистские формы борьбы за контракты могут стать в конкретных итальянских условиях специфическим способом адаптации движения надстройки к движению базиса».

Кризис реструктуризации

Волна борьбы за повышение заработной платы оказалась слишком слабой и поверхностной; реформистская линия была вынуждена приспособиться к более отсталому пути, опирающемуся на соглашение между крупными частными компаниями и группами государственного капитализма, чья массовая база находилась в мелкой буржуазии и новых слоях бюрократического аппарата. В результате возник налоговый компромисс “в долг”, который на долгие годы усугубил слабости Италии.

В 1973 году нефтяной шок вызвал на мировом уровне кризис реструктуризации: не общий кризис, как в 1930-е годы, потому что развитие новых регионов, особенно в Азии, давало старым державам возможность разрешить противоречия, накопившиеся к концу ускоренного цикла послевоенного развития. Вновь подтвердилась стратегическая концепция “Тезисов” 1957 года об империалистическом развитии.

«В 1970 году раунд переговоров был завершён. Движение продолжалось ещё пару лет, но к 1972 году его можно было считать законченным. На конференции, состоявшейся на Морской ярмарке в 1972 году, я уже мог сказать, что, пожалуй, начался отлив. В перерыве, прогуливаясь с Лоренцо Пароди по причалу, омываемому спокойным морем и согретому тёплым сентябрьским солнцем, мы должны были признать, что тред-юнионистская линия так и не проявилась. Мы знали людей, которые должны были её выразить, и оставались скептически настроены по отношению к ним. Новые люди не появились. Чисто академически мы предположили, что, возможно, Ди Витторио³ мог бы воспользоваться этой ситуацией. При таком положении дел межклассовые партии, в первую очередь ИКП, неизбежно вновь взяли бы верх и воспользовались бы результатами трёх лет стихийной борьбы. Но это также означало, что кризис нарушения равновесия не будет преодолен, а усугубится, поскольку парламентские партии были причиной несоответствия политики изменениям и потребностям итальянской капиталистической экономики.

Что касается меня, то всё это означало, что теоретически поставленный вопрос ещё предстояло решить на практике с помощью детального анализа итальянской реальности. Меня ждала огромная и мало вдохновляющая работа; даже если она была неблагодарной, её нужно было выполнить».

«В конце 1973 года, с началом войны Судного дня, произошёл резкий рост цен на сырьё и нефть. Около 1 % мирового производства перешло в пользу ренты, что вызвало кризис платёжного баланса. Бордига предсказывал общий кризис капитализма на 1975 год. Это могло стать самым громким подтверждением марксистской науки.

Это могло стать триумфом марксистской школы. Я, однако, не мог даже питать таких надежд: слишком долго я анализировал мировой ход империализма, чтобы верить в возможность подобного исхода, и не мог надеяться, что истёк двадцатилетний срок, о котором говорилось в наших тезисах 1957 года.

Я проанализировал кризис, развернувшийся в основных мегаполисах, и в 1975 году пришёл к выводу, что речь шла о “кризисе реструктуризации”. Реструктурируясь, империализм ещё на долгие годы сохранял возможность использовать расширение капитализма в мире».

Генуэзское, миланское и туринское сражения

Сражения в Генуе, Милане и Турине – два первых на рубеже конца 1960-х и первой половины 1970-х годов, а третье в начале 1980-х – в значительной степени можно считать политическими сражениями кризиса реструктуризации.

Начало генуэзского сражения восходит к октябрю 1966 года, когда в одной из первых схваток европейской реструктуризации государственное судостроение было сконцентрировано на Italcantieri, а машиностроение – на Ansaldo Meccanico

Nucleare. Комментируя забастовки той осени, Черветто написал статью “Генуя – передовой пункт революционной стратегии”. В столице государственного капитализма и оплоте тесно связанной с ним Итальянской компартии (ИКП) предстояло проверить возможность выполнения беспрецедентной задачи – создания партии по большевистскому образцу в метрополии зрелого империализма. Укоренившись в Генуе, в центре максимальной силы капитала и оппортунизма, ленинисты могли бы сделать это повсюду в Италии.

Lotta comunista, сентябрь 2025 г.

1 – Политическая тенденция, в первую очередь связанная с внепарламентской левой, преобладающей тактикой которой является проведение уличных демонстраций.

2 – Федерация студенческого самоуправления Японии – студенческий профсоюз, основанный в 1948 году. Первоначально организация была связана с Коммунистической партией Японии, но в 1960 году стала независимой. Zengakuren был участником многочисленных протестов: от оппозиции войне в Корее до вопроса об базах США в Японии и крупных демонстрациях протеста 1968 года.

3 – Джузеппе Ди Витторио (1892–1957) – итальянский общественный и политический деятель левого толка, руководитель Всеобщей итальянской конфедерации труда и влиятельный деятель рабочего движения после первой мировой войны. Одна из ведущих фигур Всемирной федерации профсоюзов.

Стеклов Ю.М.

Первый интернационал: Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова “Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала” (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Внешнеполитические ориентиры Москвы в кризисе миропорядка

На 22-м заседании Валдайского клуба, важного российского дискуссионного форума, как всегда, выступил президент Владимир Путин. В его обширном выступлении были затронуты многие вопросы, прежде всего вопросы внешней политики, в центре которых – война на Украине и последствия для международных отношений.

Гордящаяся своими «Вооружёнными Силами» Россия, предупредил он, «внимательно следит за набирающей силу милитаризацией Европы»; предостережение состоит в том, что российский ответ на угрозы «будет очень убедительным».

Вокруг Украины разворачивается империалистическое противостояние, и каждая держава разыгрывает свои карты.

Россия и мировой порядок

Размышления Путина, однако, выхлестывают за рамки военной повестки и обращены к более глубоким сюжетам, а именно к самому мировому порядку. Его основной тезис состоит в том, что «мировой баланс без России не выстраивается» – во всех сферах: экономической, стратегической, культурной и логистической.

Как уже говорилось, площадкой для этих размышлений является ежегодное заседание Валдайского клуба. Среди его подготовительных материалов есть доклад, составленный ведущими российскими аналитиками в области внешней политики под руководством Фёдора Лукьянова. Последний, занимающий, помимо прочего, пост председателя Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), на встрече с Путиным выступил в роли «модератора». Поэтому вряд ли его замечания можно рассматривать как своего рода «контрапункт» линии президента; скорее, они выражают общее направление размышлений.

Уже само название доклада красноречиво: «Доктор Хаос, или Как перестать бояться и полюбить беспорядок». Лукьянов лично обобщил его тезисы в статье для журнала «Профиль», перепечатанной также *Russia Today*, – оба издания связаны с властью. Мы можем резюмировать смысл статьи следующим образом: если верно, как говорит Путин, что мировой порядок не может обойтись без России, то также верно и то, что сама Россия не

может обойтись без мирового порядка, причём именно в его нынешнем виде.

Реформа или «революция»

Проследим рассуждения Лукьянова. На ключевой вопрос, вступил ли мир в «революционную ситуацию» в смысле перелома международного порядка, следует категоричный ответ: «нет». Причина в том, что, в конечном счете, «система не является невыносимо несправедливой для кого-то из игроков»; из этого следует, что «никто из значимых государств не стремится к кардинальному переустройству» существующих институтов, а скорее – хочет приспособить их к своим интересам. Это, можно сказать, реформистский путь.

Даже так называемое «мировое большинство» (иначе определяемое как «не-Запад») «не требует глобальной перестройки». Сам Китай, по мнению Лукьянова, стремится «не столько менять окружающую реальность под себя, сколько приспособиться к ней». И даже Россия – как следствие, – «не станет рисковать собственной социально-экономической стабильностью ради решительной победы в военном конфликте». Это, несомненно, всего лишь пожелание, но всё же немаловажный бемоль по отношению к наиболее жёстким позициям, существующим в Москве относительно нынешнего конфликта.

Мы уже давно отмечали, что перед кризисом порядка открыты «два пути» возможного развития: либо серия частичных конфликтов, либо их перерастание в большую войну с прямым участием крупнейших держав. Мы можем отнестись соображения Лукьянова к первому сценарию. В докладе Валдайского клуба упоминаются некоторые военные и политические точки напряжённости – США-Китай, Россия-НАТО, Индия-Пакистан, Индия-Китай, Израиль-Иран – они уподобляются «сжатым пружинам: в любой момент может произойти резкая вспышка – синхронная или асинхронная». Пока что мы наблюдаем именно частичные кризисы. Однако марксистская наука даёт нам осознание, что «второй путь», путь разрыва порядка, каким бы маловероятным он ни был в данный момент, всё же остается возможным, и в любом случае является неизбежным исходом накопления гигантских противоречий этого общества.

Полифония дебатов

Если изложенная Лукьяновым линия – это позиция, которую мы могли бы определить как осторожную, учитывающую риски для Москвы, заложенные в текущем кризисе порядка, то в российской дискуссии присутствуют и другие, гораздо более напористые, а по сути – агрессивные подходы. Ярким представителем этой линии является Сергей Караганов, который является почётным председателем того же СВОП, председателем которого является Лукьянов.

В статье от 15 июля в журнале «Россия в глобальной политике» (главным редактором которого, кстати, является Лукьянов), он утверждает, что «наступления, которые ведут наши воины, надо продолжать» с большей решимостью, потому что «перемение, как все прекрасно понимают, – не спасение, а только передышка для противника». Чтобы избежать этой опасности, «нужно начать отвечать по объектам на территории стран, наиболее активно участвующих в агрессии НАТО. Это – Польша, ФРГ, Румыния – список можно продолжать».

И не только: военная доктрина также должна быть изменена, чтобы в ней появилось положение о том, что «в случае любой войны с противником [Европой?], обладающим большим демографическим и экономическим потенциалом, наша страна считает обязательным применение против агрессора ядерного оружия». Эта позиция явно расходится с официальной линией Кремля, но, как видно, спектр мнений в московских дебатах широк и разнообразен.

В основе дискуссии лежит ключевой вопрос об ориентирах внешней политики. Этой теме посвящена книга Александра Боброва «The Grand Strategy of Russia», изданная на английском языке в 2024 году МГИМО, университетом Министерства иностранных дел, в котором Бобров был профессором кафедры дипломатии. Это обширная реконструкция различных «этапов» внешней политики Москвы после 1991 года. Пока ограничимся рассмотрением двух глав, которые касаются как раз дебатов о направлениях российской внешней политики: на Запад и на Восток.

Препятствия на пути в Азию

Именно противостояние с Западом, пишет Бобров, ускорило «поворот на Восток». По словам Путина, цель – создание Большого евразийского партнёрства. Столпом, очевидно, являются отношения с Китаем, но здесь сразу же возникают некоторые «серьёзные ограничения», тяготеющие над этими связями: отсутствие полноценного альянса, нейтралитет Китая в конфликте на Украине (что показательно!), растущий экономический дисбаланс и, как следствие, риск подчинённого положения России. Даже энергетические контракты выглядят неравными.

В связи с этим мы можем вспомнить также историю с проектом газопровода «Сила Сибири-2», который был подписан в 2022 году для поставки в Китай дополнительно 50 миллиардов кубометров газа в год, но застопорился на спорах о ценах и контрактных объёмах. Москва, как обычно в подобных делах, нацелена на долгосрочные контракты, фиксирующие объёмы и цены, поскольку ей необходимо окупить по крайней мере высокие первоначальные затраты на строительство газопровода. Пекин же добивается скидок, пользуясь тем, что европейский рынок для «Газпрома» теперь закрыт. Разногласия России и Китая касаются и долгосрочных объёмов поставок: по мнению Сергея Вакуленко, бывшего до февраля 2022 года руководителем стратегического планирования «Газпром нефти» и ныне работающего в Russia Eurasia Center фонда Карнеги (15 сентября), расширение возобновляемых источников энергии в Китае делает прогнозируемым спрос на импорт только на ближайшие 15–20 лет, «а что будет после – большой вопрос».

В начале сентября, во время визита Путина в Пекин, был подписан новый меморандум с Си Цзиньпином о возобновлении строительства газопровода. По мнению Вакуленко, Москва продолжает «громко заявлять о том, что достигнут очередной важный этап в реализации проекта», но «можно быть ещё в бесконечном количестве этапов от него». И здесь мы возвращаемся к Боброву, для которого немаловажен вопрос о пределах «дружбы без границ» между Россией и Китаем.

Другой азиатский гигант, на который смотрит Москва, – это Индия: с Нью-Дели также существуют «привилегированные стратегические отношения», но и здесь есть препятствия, как то: чрезмерная центральность Китая во внешней политике России, что может вызывать раздражение Индии; ориентация Индии на Соединённые Штаты; а также её нежелание подписывать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Если добавить непростые отношения с Японией и Южной Кореей, то вывод, который делает Бобров, таков: «поворот на Восток» действительно является «концептуальной основой» азиатской стратегии Москвы, но остаётся в «стадии концептуального становления», где отношения «фрагментированы и слабо интегрированы на двусторонней основе».

Проект «Большой Евразии» является «первой попыткой» наметить континентальное видение, но его реализация «потребуется немало политических и экономических усилий, прежде чем интеграционные устремления России в «Большой Евразии» дадут первые реальные результаты». Именно поэтому западное направление нельзя легко списывать со счетов.

Двуликий евроатлантический мир

Что касается Запада, определяемого как «евроатлантический» мир, наиболее интересный аспект заключается в тезисе Боброва о том, как «Москва чётко различает» два его полюса. Это справедливо, например, в отношении санкций. Он пишет, что американские санкции «рассматриваются как элемент недобросовестной конкуренции»: их цель не столько Россия, сколько Европейский союз. Эти санкции используются Вашингтоном для «своих политико-экономических интересов в Европе (замена российского трубопроводного газа на американский сжиженный, повышение расходов европейцев на оборону в рамках НАТО и др.)». Санкции ЕС же рассматриваются в контексте «принуждения к трансатлантической солидарности и ошибочного уязвления отмены санкций с выполнением Москвой «Минских соглашений»». Они воспринимаются как почти полностью навязанные американским союзником.

На более общем стратегическом уровне конфликт на Украине рассматривается как «ускоритель» противостояния с Западом, но – и это ключевое наблюдение – «география диктует, что по окончании активной фазы конфликта откроются возможности для постепенной нормализации политических, экономических и культурных отношений между Россией и Европой». Согласно этой интерпретации, путь в Брюссель не останется закрытым навсегда.

Вывод из анализа основных направлений российской внешней политики заключается в том, что кризис в отношениях с Западом, тем не менее, стал переломным моментом для Москвы, которая теперь ориентируется на построение «независимого и самодостаточного центра силы в постепенно складывающемся многополярном мире».

В этой заявленной независимости можно усмотреть отказ как от подчинения Восточному Дракону, так и от окончательного разрыва с западным соседом. Обладает ли Москва экономической, демографической и стратегической силой для такой многовекторной политики – покажет только будущее противостояние.

Lotta comunista, октябрь 2025 г.

Коалиция гарантов для Газы

«Декларация Газы», подписанная 13 октября в Шарм-эль-Шейхе в присутствии Дональда Трампа и около двадцати глав государств и правительств европейских и исламских стран, установила хрупкое перемирие в конфликте, который постепенно перекинулся на весь регион, от Ливана до Сирии, Ирана и, наконец, Катара – в результате израильского авианалёта 9 сентября. Последнее событие стало поворотным моментом в войне, поставив под сомнение гарантии безопасности, которые Вашингтон давал своим арабским союзникам в регионе. Уже через неделю Эр-Рияд обнародовал военный договор с Пакистаном, который предусматривает ядерный зонтик Исламабада для саудовской монархии.

Европейско-исламская коалиция в поддержку плана Трампа

С весны Саудовская Аравия вместе с Францией продвигала дипломатическую инициативу о признании палестинского государства в ООН – с целью предложить политическую основу для прекращения огня в Газе, вернувшись к «решению о двух государствах». И Лондон, и Париж, являющиеся членами Совета Безопасности ООН, признали Палестину.

На полях Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке коалиция арабских и исламских стран – включая Турцию, Индонезию и Пакистан – одобрила 20-пунктный «мирный план Трампа для Газы». Двойной визит американского президента в Израиль и Египет, оформленный в гиперболизированной, театральной манере, столь характерной для Трампа, закрепил достигнутое.

По данным *Le Monde*, за фасадом шоу, устроенного Трампом – который не упустил случая напомнить о военной мощи США в регионе, сославшись на участие в июньском столкновении между Тель-Авивом и Тегераном, – европейцы, арабы, турки и другие участники вели интенсивные консультации, направленные на «заполнение пробелов» в вашингтонском плане – выходя за рамки поиска «немедленного результата», к которому стремился американский президент.

Париж утверждает, что действует не в конкуренции, а в дополнение к американской инициативе. Франции удалось вернуть президента Палестинской национальной администрации Махмуда Аббаса на «семейную фотографию» в Шарм-эль-Шейхе, несмотря на нежелание Трампа. Сейчас Париж, как сообщается, работает совместно с Лондоном над проектом резолюции, которая придаст плану по Газе статус в рамках ООН, рассчитывая на воздержание, а не противодействие Вашингтона в Совете Безопасности.

Перед своим визитом в регион Трамп принял Биньямина Нетаньяху в Белом доме, заставив израильского премьера позвонить в Катар с официальными извинениями – прямо из Овального кабинета, причём с фотографиями. Одновременно американский президент подписал указ, расширяющий официальные гарантии безопасности США на Доху. По мнению бывшего израильского посла в Париже Эли Барнави, Трамп использовал военную авантюру Тель-Авива в Катаре, чтобы «подтвердить вассальную зависимость» последнего от США, и, таким образом, использовать это как рычаг для получения от Турции, Катара и Египта обязательств оказать давление

на ХАМАС с целью заставить его принять перемирие.

По мнению Брюно Тертрэ, крупного эксперта по вопросам ядерного сдерживания, в отношении реальных перспектив американского плана сохраняется неопределённость. Его предпосылки заключаются как в ослаблении ХАМАСа, который хочет «гарантировать себе выживание», так и в признаках усталости Израиля, которому становится всё труднее мобилизовать резервистов. К этому следует добавить, что израильская армия пересекла «красную линию», напав на Катар, что, конечно, произвело впечатление на страны региона, но также вызвало раздражение у хозяина Белого дома. Тертрэ сомневается, что в результате будет создано «полностью суверенное» палестинское государство. Помимо того, что для этого необходимо иное политическое большинство в Израиле, нельзя исключать, что Тель-Авив может работать над «созданием такого государства только в Газе», исключая Западный берег.

Традиции «базара» и «искусство сделки»

По словам Пола Вебстера Хэра, бывшего высокопоставленного чиновника британского МИД, Турция, Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ проводили «тонкую транзакционную дипломатию». Это побудило Трампа принять «саудовское видение нового Среднего Востока», которая ограничивает «расширение интересов Израиля в регионе» и противостоит дальнейшим аннексиям на Западном берегу со стороны евреев, добиваясь максимального обязательства по решению о двух государствах – тому самому пункту, который был исключён из соглашений Авраама в 2020 году. В рамках этих соглашений палестинский вопрос был сведён к «простому вопросу недвижимости». В частности, нефтяные монархии оказали давление на интересы клана Трампа и его «частного кабинета», тесно связанного с «саудовским и катарским капиталом», настаивая на том, чтобы президент США «в ближайшие три года» взял на себя личную ответственность за ключевые элементы соглашения.

По сути, по мнению бывшего дипломата, саудовцы и катарцы сделали так, чтобы «Трампу оказался в долгу у них за многочисленные услуги». Это делает « маловероятным расширение соглашений Авраама без признания возможного палестинского государства». Можно напомнить, что традиция арабского базара не отличается от искусства заключения сделок: всегда возможны уступки – по сниженной цене, но с сохранением внешней формы.

Гарантии Турции и Катара для ХАМАС

Финансовая мощь стран Персидского залива сочетается с функцией гаранта не только для ХАМАС, но и для Анкары и Каира. По данным *Haaretz*, Турция и Катар, стремящиеся укрепить своё влияние в Сирии, могут побудить суннитский режим в Дамаске, возглавляемый «раскайвающимся» джихадистом Ахмедом аль-Шараа, подписать «соглашения о безопасности» с Израилем. По мнению израильской газеты, мирный план Трампа не предусматривает «ропуск ХАМАСа», а лишь «ликвидацию» его военного арсенала, оставляя открытой возможность «политической роли» исламистской организации в секторе

Газы. Для саудовской газеты «Аш-Шарк аль-Аусат», близкой к монархии, речь идёт о согласии на возвращение ХАМАС к своей первоначальной сути – религиозной организации, занимающейся социальной помощью. С одобрения США ХАМАС вновь выполняет функцию поддержания порядка в анклав, контролируя распределение гуманитарной помощи населению. Но она восстанавливает своё сдерживающее влияние на местные кланы и вооружённые группы, которые с прошлой весны действовали при поддержке Израиля. Стоит напомнить, что взаимоотношения между палестинскими фракциями, в том числе и в рамках ООП, определялись не только связями с различными региональными державами, но и соотношением военных сил.

По данным британских источников, отсрочка разоружения ХАМАС может быть связана с иракским опытом 2003 года: решение Вашингтона распустить вооружённые силы и партию Баас открыло дорогу суннитскому восстанию и гражданской войне. ХАМАС не исключает передачу оружия «палестинским силам», что позволяет предположить, что она готова договориться о частичном разоружении в обмен на вступление в ООП в качестве компонента палестинского национализма. Роль британских политических деятелей в разработке плана Трампа, таких как Тони Блэр и Джонатан Пауэлл, глава кабинета бывшего премьер-министра и советник по национальной безопасности Кира Стармера, может привести в процесс опыт Лондона по урегулированию конфликта с ИРА в Северной Ирландии.

Анкара, как и в Сирии, может использовать модель умиротворённого политического ислама, а также договорённость с курдскими сепаратистами из РКК. Как подчёркивает *Haaretz*, и Доха, и Анкара располагают «мощными рычагами»: с одной стороны, финансовыми субсидиями Катара, а с другой – присутствием «компаний, котирующихся на Стамбульской бирже», принадлежащих руководителям ХАМАС с «турецким паспортом». Даже Каир, несмотря на свою враждебность к «Братьям-мусульманам», имеет долгую историю сотрудничества с ХАМАС в борьбе с джихадистами на Синае. А конфликт между ХАМАС и Израилем позволяет ему сохранять дипломатическую роль посредника между США, столицами стран Персидского залива и европейскими столицами.

Саудовское послание о пакистанском ядерном сдерживании

Исторически палестинский вопрос был не только элементом панарабской и панисламской мобилизации, но и разменной картой в руках региональных и мировых держав. По мнению «Аш-Шарк аль-Аусат», сегодня он становится фактором пересмотра баланса сил, «центр тяжести» которого смещается в сторону «государств Персидского залива, Турции и, возможно, Египта» – если последний сможет «преодолеть свои экономические кризисы и укрепить внутреннюю стабильность». Иранские планы были пересмотрены, а Израиль, несмотря на своё «военное превосходство», из-за «демографических и политических ограничений» не может «установить полный контроль». Между тем Вашингтон по-прежнему остаётся «движущей силой», способной формировать региональный порядок.

Аналитический центр INSS в Тель-Авиве, связанный с военной разведкой, рассматривает «своевременность» представления Саудовской Аравией соглашения о обороне с Пакистаном – через неделю после нападения на Доху – как «политическое заявление». В первую очередь оно адресовано Вашингтону, но косвенно и Тель-Авиву, ведь в игру вступает «ядерная держава, готовая распространить свой оборонный зонтик на арабские государства». Как минимум, Израиль должен продемонстрировать свою невраждебность по отношению к государствам Персидского залива, а также к Исламабаду, в том числе и в своём «военном поведении». Эр-Рияд, однако, «укрепляет свою переговорную позицию» в отношениях с Вашингтоном: с одной стороны – в переговорах о формальном соглашении по военной безопасности и поддержке его гражданской ядерной программы, а с другой – увязывая «возможное расширение соглашений Авраама» с обязательством создать палестинское государство.

Как сообщает *Financial Times*, ближайшей целью Саудовской Аравии является достижение соглашения «Катар плюс» с Вашингтоном: формальные обязательства по безопасности, аналогичные тем, которые были предложены Дохе, но в более широком масштабе. Это может объяснить отсутствие на египетском саммите как саудовского наследного принца, так и эмира-президента Эмиратов Мохаммеда бин Заеда аль-Нахайяна. Это также может свидетельствовать о желании сохранить определённую дистанцию от ХАМАС.

«Реальная политика» многовекторного курса Индонезии

На Генеральной Ассамблее ООН президент Индонезии Прабово Субианто заявил о готовности признать Израиль в обмен на признание палестинского государства, а также предложил направить 20 тысяч человек в состав международных сил по стабилизации в Газе. По мнению *Jakarta Post*, это проявление «реальной политики» со стороны президента, укрепляющее международный профиль «многовекторной» дипломатии архипелага – в сотрудничестве со столицами стран Персидского залива, а также с США, европейскими странами и Турцией. Как турецкая, так и индонезийская пресса рассматривают поддержку плана Трампа как намерение предоставить «политический зонтик» американскому проекту, а не как попытку «представить» интересы палестинцев.

В некоторой степени речь идёт о формуле «попечителей», о которой в 2023 году упомянул министр иностранных дел Анкары Хакан Фидан. Турция, самостоятельно или совместно с арабо-исламскими странами, стала бы «попечителем» палестинцев, а США вместе с другими западными странами – «попечителями» Израиля. По мнению *Media Indonesia*, второй по величине медиативной страны, палестинское государство могло бы быть полезно для «стратегических интересов США», чтобы не допустить сближения арабских стран и стран региона с Пекином. Кроме того, это способствовало бы осуществлению давней мечты Тель-Авива о «интеграции на Среднем Востоке». Разумеется, если скопление акторов, как это нередко бывало в регионе, вновь не запустит «колесо огня».

Европейские хроники

Берлин инициирует перевооружение Европы

«Мы не находимся в состоянии войны, но и мира уже нет», – заявил Фридрих Мерц в конце сентября, комментируя пролёты российских беспилотников и истребителей над европейской территорией. Заявление канцлера Германии подтверждает то, что мы наблюдали ранее: течения империалистического европеизма пытаются использовать войны, вызванные кризисом порядка, для ускорения перевооружения континента.

Первооружение под руководством Германии

Согласно “Defence Readiness Roadmap” Еврокомиссии и сентябрьскому докладу Европейского оборонного агентства, совокупные военные расходы стран ЕС увеличились с 218 млрд евро в 2021 году до 343-х в 2024-ом, а доля этих расходов в ВВП каждой из этих стран достигла 1,9 %; на 2025 год запланировано израсходовать 392 млрд евро. Это только начало перевооружения Европы, поскольку на саммите НАТО в конце июня союзники обязались увеличить военные расходы до 3,5 % своих ВВП к 2035 году и выделить ещё 1,5 процентных пункта на оборонную инфраструктуру. Чтобы достичь целевого показателя в 3,5 % ВВП для каждой страны-члена, ЕС необходимо будет потратить дополнительно 288 млрд евро, что составит общий объём в 680 млрд. Согласно другим оценкам, учитывающим вероятный рост ВВП в течение следующих десяти лет, расходы достигнут 800 млрд евро – то есть четыре пятых от расходов США и в пять раз больше российских в 2024 году.

С другой стороны, многие государства сталкиваются с ограниченным бюджетным пространством и до сих пор не смогли представить убедительный путь к выполнению цели НАТО. Германия в ином положении: её реакция на вторжение России на Украину была масштабной. Правительство Шольца запустило программу “Zeitenwende” (100 млрд евро на вооружённые силы), инициативу по созданию противоракетного щита (ESSI), закупку американских истребителей F-35 и соглашение о размещении американских ракет средней дальности – в ожидании разработки европейского ракетного потенциала, инициированное программой ELSA (European Long-Range Strike Approach).

Оправившись от первых шагов новой администрации Трампа, новоизбранный канцлер Мерц ослабил долговой тормоз, увеличив военные расходы Германии; он также углубил стратегический диалог по ядерному сдерживанию с Францией и Великобританией. В период с 2021 по 2025 год Германия увеличила военные расходы с 47 до 86 млрд евро и планирует превысить 150 млрд в 2029 году, вероятно, достигнув уровня в 3,5 % ВВП раньше срока. По оценкам, эти финансовые усилия приведут к увеличению госдолга Германии с нынешних 62,5 до 70–80 % ВВП к 2029 году (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 27 июня).

Долговое время

Сравнение долей военных расходов в национальных бюджетах – которые разные страны определяют по-разному – позволяет оценить масштабы перевооружения Германии. Франция увеличила расходы с 39 млрд евро в 2021 году до 62-х в 2025-м и стремится к 80-и в 2030 году. Однако для достижения 3,5 % ВВП, по оценкам, потребуется около 120 млрд евро. Другая европейская ядерная держава – Великобритания – увеличила расходы с 53 млрд евро в 2021–2022 финансовом году (по текущему обменному курсу фунта стерлингов к евро) до 76-и в 2024–2025 годах; однако достижение уровня в 3,5 % ВВП также повлечёт за собой военные расходы в размере около 120 млрд евро.

Четвёртое место по величине военного бюджета в Европе занимает Польша. На Варшавском форуме безопасности в конце сентября министр обороны Польши заявил, что в этом году его страна потратит на оборону 44 млрд евро, или 4,7 % ВВП. При этом он честно признал, что «остаётся неясным, будет ли эта цель достигнута». Италия, занимающая пятое место по величине военного бюджета, тратит на оборону 31 млрд евро, что составляет 1,5 % её ВВП.

Среди этих пяти крупнейших европейских армий госдолг Франции, Великобритании и Италии приближается к 100 % ВВП или превышает их, и они уже тратят на проценты по долгу больше, чем на оборону.

Первооружение Европы

Нехватка ресурсов, способных обеспечить заявленные амбиции, принуждает европейские страны к сотрудничеству. Это объясняет успех программы SAFE (Security Action For Europe), которая предоставляет кредиты на сумму 150 млрд евро под льготные процентные ставки, гарантированные бюджетом ЕС, для совместных закупок военной техники – с приоритетом европейской продукции. Страны, не входящие в ЕС, такие как Норвегия, Лихтенштейн, Исландия и Украина, также могут участвовать в этих совместных закупках, и в настоящее время переговоры об их участии ведутся Еврокомиссией, Великобританией и Канадой.

Программа SAFE, одобренная Европейским советом в конце мая и предусматривающая старт выплат в начале 2026 года, стала первым компонентом плана “ReArm Europe”, который впоследствии был включён в мартовскую “белую книгу” по европейской обороне “Readiness 2030”. Также план базируется на освобождении военных расходов от ограничений Маастрихтских критериев и одобрении перенаправления средств европейских фондов, таких как Фонд сплочения, на оборону. На саммите Европейского совета в июне главы государств и правительств поручили Еврокомиссии разработать “белую книгу” по европейской обороне. Результат был представлен 16 октября в виде дорожной карты под названием “Preserving Peace – Defence Readiness Roadmap 2030”, согласно которой, в течение пяти лет Европа должна быть «готова», то есть способна «ответить на любую агрессию» и обладать оборонной позицией, «достаточно мощной для надёжного сдерживания своих противников».

Для достижения этой цели запланирована срочная реализация четырёх флагманских проектов: “European Drone Defence Initiative”, направленной на развитие оборонительных и наступательных возможностей беспилотников; проекта “Eastern Flank Watch”, который будет интегрировать возможности борьбы с беспилотниками, воздушные, наземные и морские системы обороны для защиты восточного фланга, подверженного российским гибридным атакам; “European Sky Shield Initiative” и “European Space Shield Initiative”. Кроме того, Еврокомиссия призывает государства-члены ЕС сформировать коалиции для укрепления военного потенциала в девяти направлениях: противовоздушная и противоракетная оборона, стратегические средства обеспечения (такие как радиолокационные станции, дозаправка в воздухе и разведывательные возможности), военная мобильность, артиллерийские системы, искусственный интеллект и кибербезопасность, ракеты и боеприпасы, беспилотные летательные аппараты и противодронное оружие, наземные и морские боевые действия. Также сформулированы целевые показатели совместных закупочных квот для стимулирования развития военной промышленности в континентальном масштабе.

Координация с европейскими странами

План вызвал критику со стороны наиболее проевропейских комментаторов: по сравнению с проектом, представленным Еврокомиссией на неформальном саммите глав государств и правительств в Копенгагене 1 октября, в окончательной версии роль европейских институтов была сокращена, а вместо этого была усилена роль государств-членов ЕС и НАТО. Можно возразить, что полная федеральная централизация обороны возможна лишь на практике; она никогда не будет полностью общей или чисто межправительственной, а скорее будет представлять собой комбинацию двух подходов. Неслучайно представленная Еврокомиссией дорожная карта – не централизованный план, а скорее собрание различных национальных инициатив или проектов групп стран ЕС и их оборонных отраслей.

Её общие положения соответствуют документу “Economic principles for European rearmament”, подготовленному в августе Франко-германским советом экономических экспертов по запросу правительств двух стран, и стратегически опираются на Рейнскую ось. Идея создания «стен беспилотников» для усиления наблюдения на восточном фланге НАТО была поддержана ещё в 2024 году Польшей, странами Балтии и Северной Европы. Что касается ESSI (European Sky Shield Initiative), то проект противовоздушной обороны, включающий системы противоракетной обороны, был запущен правительством Германии в августе 2022 года; теперь этот проект также интегрирован в дорожную карту ЕС.

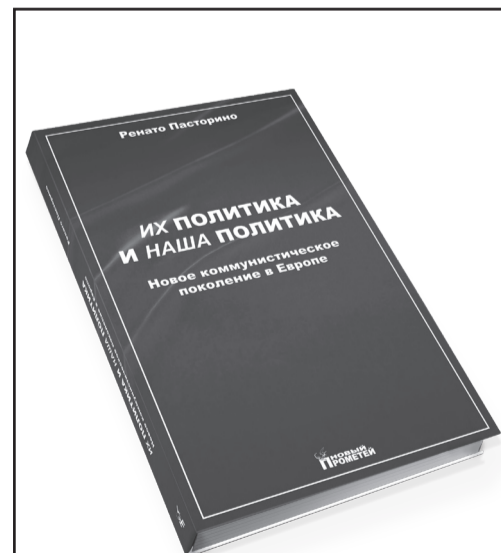
Роль европейских институтов в этом процессе сводится прежде всего к координации. Европейское оборонное агентство будет выполнять функ-

ции секретариата, а Военный штаб ЕС будет проводить ежегодную оценку реализации плана перевооружения. Однако вопрос финансирования остаётся открытым. Программы SAFE, являющейся лишь временным инструментом, будет недостаточным, а EDIP (European Defence Industry Programme) пока располагает лишь 1,5 млрд евро.

Долг и взаимное страхование

С 2022 года Берлин первым начал перевооружение; на данный момент ещё только предстоит увидеть, насколько тесно это будет связано с европейским перевооружением и какую форму примет взаимное страхование. Перспектива того, что Германия будет тратить на свои военные нужды почти вдвое больше, чем Франция, очевидно, подогревает старые опасения. 2 октября в интервью FAZ Эмманюэль Макрон расценил поддержку Мерцем идеи создания «репарационных кредитов», в настоящее время гарантированных национальными бюджетами, как доказательство того, «что Германия готова взять на себя общий долг для Украины». Президент Франции завершил интервью заявлением о том, что французский ядерный щит имеет «европейское измерение» с 1962 года и что в начале 2026 года он выступит с «программной речью» о ядерной доктрине. Эти заявления подпитывают предположения о том, что Макрон, возможно, стремится к соглашению, которое включало бы компромисс между европеизацией ядерного зонтика Франции и общим долгом. В этом последнем пункте он неожиданно нашёл поддержку в Германии со стороны Йоахима Нагеля. В номере FAZ от 17 октября президент Бундесбанка (центрального банка Германии) выступил в поддержку создания общеевропейского военного бюджета, финансируемого за счёт общего долга.

Lotta comunista, октябрь 2025 г.

Ренато Пасторино

Их политика и наша политика

288 страниц, твердый переплет,
список аббревиатур, хронология,
библиография,
биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

Естественное экономическое явление

«Отчего это происходит, что крупное фабричное производство всегда ведёт к стачкам? Происходит это оттого, что капитализм необходимо ведёт к борьбе рабочих с хозяевами, а когда производство становится крупным, эта борьба необходимо становится стачечной борьбой»¹.

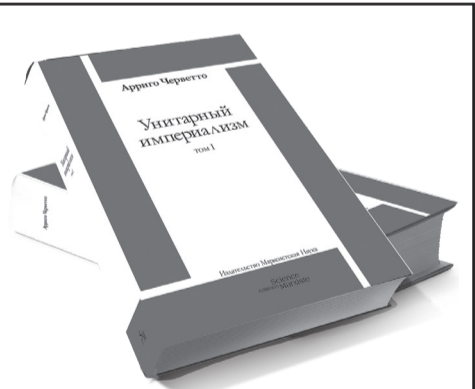
Что изменилось с тех пор (1899 г.), как Ленин написал эти тезисы, по сегодняшнему дню? Произошло то, что капиталистический способ производства распространился на весь мир, что произошёл переход к империалистической фазе, что наёмные работники стали составлять 80–90 % тех, кто производит товары и услуги, и их число превысило два миллиарда. Следовательно, «крупное производство» а значит и «борьба посредством забастовок» сегодня представляют собой явления всемирного масштаба. Забастовка, как писал Ленин в 1902 году, стала «естественным экономическим явлением»² капиталистического способа производства и распространилась по всей планете.

Её регулярность и повсеместность являются лучшим показателем непреодолимого противостояния между двумя основными классами: буржуазией и пролетариатом. Но об этом не всегда пишут в новостях, и тем более в статистике, которая по этой теме очень скудна и не улучшилась с течением времени. Однако, сопоставляя и объединяя сведения, собранные из многочисленных источников, можно составить картину забастовочного движения в мировом масштабе, которые свидетельствуют о непрерывной жизнеспособности и боевом духе нашего класса.

Здесь мы приводим сообщения о борьбе в агропромышленном комплексе, сельском хозяйстве, военной и добывающей промышленности в Австралии, Бразилии, Индии и Соединённых Штатах.

Lotta comunista, октябрь 2025 г.

1 – В. И. Ленин. ПСС. Изд. 5-е. Т. 4. С. 289.
2 – Там же. Т. 6. С. 403.

Арриго Черветто

**УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1**

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.
ISBN: 2-912639-14-X

**УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2**

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.
ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

ОБЗОР ЗАБАСТОВОК

Австралия, агропродовольственная промышленность.

Трудовой конфликт затронул два из шести австралийских предприятий транснациональной компании Nestlé, на которых в общей сложности занято более 4.000 работников. Речь идёт о предприятиях пищевой промышленности, расположенных в Кэмпбеллфилде и Бродфоре, оба – в южном штате Виктория, недалеко от Мельбурна.

Предметом конфликта стала заработная плата: профсоюзы требовали ежегодного повышения на 4–5 % в течение ближайших лет, учитывая значительный рост цен в регионе. Кроме того, обсуждался вопрос сменного графика на предприятиях, работающих в непрерывном цикле с 8-часовыми сменами. Руководство намеревалось изменить систему, введя 12-часовые смены по четыре дня, что имело бы серьёзные негативные последствия для семей работников. Также поднимался вопрос ограничения сверхурочных часов. Забастовка состоялась в марте и была одобрена 90 % членов профсоюза. Впоследствии спор завершился компромиссом.

Австралия, военная промышленность.

Штат Южная Австралия также называют Defence State («Оборонительный штат»), поскольку здесь размещены важные предприятия по производству вооружений, в частности судостроительные верфи Осборна, находящиеся примерно в десяти милях от центра столицы штата – Аделаиды. Производство включает как военные корабли, так и подводные лодки. В частности, здесь строят фрегаты класса Hunter («Охотник») и патрульные корабли дальней зоны класса Arafura; вскоре начнутся работы по созданию атомных подводных лодок в рамках проекта AUKUS, реализуемого совместно с США и Великобританией, которые заменят подлодки класса Collins с дизель-электрической установкой. Проект AUKUS, как известно, имеет ключевое значение для укрепления подводного флота Австралии и для стратегической роли, которую страна намерена играть в Индийском океане и южной части Тихого океана.

На этих верфях работают около 7.000 человек, разделённых между BAE Systems (со штаб-квартирой в Лондоне) и государственной ASC (ранее – Australian Submarine Corporation). В этом центре высокотехнологичного военного производства, предназначенного для будущих морских войн мирового империализма, летом 2024 года и весной текущего года прошли многочисленные забастовки и уличные демонстрации. Забастовки проходили также по системе *rolling stoppage*, то есть с поочерёдными остановками работы различных подразделений. В основе требований, помимо восстановления заработной платы и окладов, обеспечения инфляцией, лежало стремление уравнивать уровень оплаты труда работников частной BAE Systems с уровнем работников государственной ASC.

Профсоюз AMWU заявил: «Хотя их труд имеет решающее значение для будущего военно-морского флота Австралии и успеха программы AUKUS, их зарплата остаётся более чем на 20 % ниже действующих ставок в судостроении. [...] Это высококвалифицированные рабочие: сварщики, котельщики, электрики, сборщики и монтажники. Работники BAE устали от того, что их считают «бедными родственниками»».

Бразилия, добывающая промышленность

Petrobras – крупнейшая нефтяная компания Южной Америки и одна из двадцати ведущих компаний мира; она контролируется государством и насчитывает около 45.000 работников. Компания также испытала на себе последствия снижения мировых цен на нефть: если в январе баррель Brent стоил около 80 долларов, то к октябрю цена упала до 65 долларов, несмотря на колебания и кратковременные подъёмы. Средняя тенденция 2025 года явно указывала на снижение. Тем не менее, прибыль продолжала поступать: согласно данным Reuters, в первом квартале года она составила 6,25 миллиарда долларов, хотя акции компании на бирже подешевели на 30 %. Как отмечает Zacks Equity Research: «Petrobras решила пересмотреть свой пятилетний стратегический план в условиях снижения цен на нефть Brent, что свидетельствует о переходе к политике экономии [...] компания заявила, что рассмотрит все возможные пути сокращения расходов до того, как замедлит инвестиции [...] этот подход контрастирует с предыдущей стратегией расширения».

Расплачиваться за трудности рынка пришлось работникам, которые, разумеется, не несут ответственности за рыночные колебания. Было проведено снижение ранее согласованных условий, касающихся рабочей недели и компенсаций к заработной плате. Часть работников объединена в профсоюз FUP (Federação Única dos Petroleiros) – «Единая федерация нефтяников», который в мае прошлого года объявил забастовку. По данным самой FUP, она охватила 25 из 46 нефтяных платформ бассейна Кампус, из которых семь были полностью остановлены, а также десять нефтеперерабатывающих заводов по всей стране.

Индия, сельское хозяйство

Индия является вторым крупнейшим производителем чая в мире, обеспечивая около пятой части мировой продукции. Первое место занимает Китай (более 40 %), а третье – Кения (около 7 %). Две трети чайных плантаций Индии принадлежат крупным частным компаниям, оставшаяся треть – мелким фермерам. Количество наёмных работников, в основном занятых на предприятиях крупных компаний отрасли,

составляет около 1,5 миллиона человек (или вдвое больше, если учитывать косвенно занятых). Из них 80 % – женщины, занятые преимущественно на сборе листьев. Основные центры производства расположены в трёх штатах: Ассам и Западная Бенгалия на северо-востоке страны и Тамил-Наду на юге. Условия труда и уровень заработной платы здесь одни из самых низких, хотя между северо-восточными и южными регионами существуют значительные различия – последний считается одним из наиболее развитых в стране.

Местная пресса описывает труд сборщиц так: «Чай Дарджилинг производится из самых отборных листьев и требует деликатной работы женских рук. [Нужно] вручную собирать два листа и одну почку, удерживая равновесие с тяжёлой плетёной корзиной, прикреплённой ко лбу и лежащей на спине. На скользкой земле Восточных Гималаев труд этот чрезвычайно тяжёл». И добавляет горькие наблюдения: «Прония в том, что работники, производящие самые дорогие чаи в мире, получают одни из самых низких зарплат – печальное наследие колониальной эпохи».

Исследование Международной организации труда (МОТ) о положении этих работников выявляет и количественно описывает ключевые аспекты их трудовой реальности. Продолжительность рабочего времени – в среднем около 50 часов в неделю. 95 % занятых классифицируются как полевые рабочие (field workers), то есть трудятся преимущественно под открытым небом. Разница в оплате труда между мужчинами и женщинами при одинаковой работе составляет 10 % в ущерб женщинам. Зарплаты ниже установленного законом минимума на 66 %. Работа сезонная, продолжается примерно восемь месяцев в году, что усугубляет нестабильность доходов. В отчёте МОТ «Wages and working conditions in the tea sector» (2020) делается вывод: «Преобладание заработной платы ниже установленного минимума, повсеместный гендерный разрыв в оплате труда и чрезмерное количество рабочих часов в Индии вызывают серьёзную обеспокоенность». Мы же отмечаем: на дворе 2025 год, но кажется, будто читаем хроники манчестерских ткацких фабрик двухвековой давности.

Массовые забастовки и демонстрации, нередко сопровождавшиеся столкновениями, проходили здесь в 2022 году, во второй половине 2024-го и в 2025 году. Их основной темой были зарплаты и условия труда. Эти выступления не возникли на пустом месте: ещё десять лет назад происходили аналогичные, но более масштабные акции протеста, также с преобладающим участием женщин и с теми же самыми требованиями. BBC пишет о тысячах участников забастовок, потрясших индийскую чайную промышленность.

Соединённые Штаты, военная промышленность

Острая трудовая борьба развернулась на предприятиях Boeing Defense – на двух заводах в штате Миссури и одном в Иллинойсе, занимающихся производством военной техники: истребителей F-15 и F/A-18 Super Hornet, учебного самолёта T-7 Red Hawk, беспилотника MQ-25, а также другого вооружения. В конфликте задействовано около 3200 рабочих, преимущественно высококвалифицированных специалистов. Трудовой конфликт, начавшийся в августе, фактически стал продолжением аналогичного спора, развернувшегося годом ранее на заводах Boeing в Сиэтле (штат Вашингтон), где производятся гражданские самолёты и где участвовало около 30.000 рабочих. Требования схожи: восстановление покупательной способности зарплат за годы без индексаций и коллективных переговоров, гарантии пенсионных выплат, повышение окладов в соответствии с ростом стоимости жизни. Ход переговоров также оказался почти идентичным: с начала забастовки (4 августа) трижды рабочие отклонили предложения Boeing, согласованные с профсоюзом IAM (International Association of Machinists), – как и годом ранее в Эверетте. Затем IAM предложил провести голосование по собственной версии соглашения и, после её одобрения, вынес этот вариант на переговоры с руководством компании.

Недовольство прошлым, проявившееся с особой силой в Сиэтле, остаётся очень острым и в Миссури. Рабочие не доверяют никому, включая даже сам профсоюз IAM, хотя тот остаётся незаменимым посредником в процессе переговоров. На пикетах они держат плакаты: «Мы не производим тостеры – мы создаём лучшие истребители в мире». Идеологическое давление на работников, производящих военную технику «для защиты страны», безусловно, присутствует, но его оказалось недостаточно, чтобы заставить их отказаться от забастовки и возобновить производство – как и в аналогичной ситуации в Австралии на предприятиях BAE и ASC. Рабочие требуют равного обращения с коллегами из Сиэтла, однако Boeing прямо отказывает, аргументируя это тем, что Миссури – не штат Вашингтон. Иными словами, компания фактически применяет американский вариант «зон с разными зарплатами».

Ещё год назад, комментируя забастовку в Сиэтле, многие задавались вопросом, насколько эффективным мог бы быть единый контракт для всех 150.000 работников Boeing. Похоже, рабочие Миссури начинают это осознавать, требуя равных условий с сиэтскими коллегами. Добавим, что последняя крупная забастовка на этих заводах (длилась 100 дней) происходила ещё в 1996 году. На момент написания статьи, после более чем трёх месяцев борьбы и после того, как в очередной раз (в четвёртый) предложение о соглашении было отклонено рабочими, забастовка продолжается.

С широко открытыми глазами

Мировое противостояние держав разворачивается и в сфере производственных систем, вызывая реструктуризации, которые ложатся тяжёлым бременем на условия жизни работников. Германия, промышленное сердце Европы, неизбежно наиболее вовлечена в этот процесс – следовательно, вовлечены и немецкие наёмные рабочие. Отголоски этих процессов, в свою очередь, неизбежно доходят до остальной Европы, включая Италию, и это также объясняет наш интерес к немецким делам. Прежде всего, оценим масштаб феномена социальных последствий реструктуризации. В Германии число безработных снова превысило 3 миллиона впервые за пятнадцать лет. Согласно исследованию Института IFO в Мюнхене, речь, однако, идёт о «ползучем сокращении персонала», произошедшем в значительной степени в формате выбывания работников без поиска замены. Что касается фактических увольнений, то они часто стимулируются самими компаниями, что смягчает социальные последствия. В производственном секторе, который сегодня насчитывает 5,42 миллиона занятых, это потеря 114 тысяч работников за 12 месяцев и почти 250 тысяч с 2019 года (*Il Sole-24 Ore*, 27.08.2025).

Империалистическая борьба за автомобили

Автомобильный сектор, переживающий переход на электричество, – один из наиболее пострадавших. Снова мы наблюдаем борьбу между экономическими группами и между государствами, развернувшуюся вокруг новой технологии, как уже отмечалось в нашем анализе автомобильной промышленности (см. *L'automobile e la sfida elettrica*, Ed. Lotta Comunista, 2022). Китай, поднимаясь до уровня великой империалистической державы, воспользовался этой возможностью, обогнав другие страны в «электрической гонке» и не следуя по старому пути двигателя внутреннего сгорания. Сегодня, пишет *Financial Times* (10.10.2025), Китай утверждает в роли «первого электро-государства», и его влияние начинает ощущаться в мире. Неизбежно, что последствия проявятся и в Европе, где сектор насчитывает 2,4 миллиона непосредственных рабочих мест и 13 миллионов – косвенно. Начинает витать «призрак миллиона рабочих мест, обращённых в дым», как прогнозировал в 2019 году Альберто Бомбассеи, чья компания Brembo производит тормозные системы для автомобилей (*Corriere della Sera*, 25.09.2025).

Дифференцированное влияние

В Германии последствия ощущаются сразу – и при этом различаются по регионам. Согласно исследованию IW Consult, цитируемому *Handelsblatt* от 10 сентября, 1,2 миллиона человек работают в секторе и в связанных компаниях: с 2019 года потеряно 55 тысяч мест, и ещё 90 тысяч могут исчезнуть к 2030 году. 55 % добавленной стоимости этой отрасли генерируется в 116 из 400 немецких округов: здесь в секторе занят один работник из двенадцати, против одного из тридцати в среднем по стране. Однако 36 регионов наиболее подвержены риску, и среди них: Штутгарт (Баден-Вюртемберг), с заводами Mercedes, Bosch и Porsche; Швайнфурт (Бавария), где расположены предприятия ZF, Bosch и Schaeffler; Саарбрюккен (Саар) с Ford и другими малыми компаниями. Таков пример того, как кризис в от-

расли может иметь разное воздействие даже внутри одного государства. Подобное наблюдается и в других странах. В Италии производство автотранспортных средств, которое в 2021 году давало работу 170 тысячам сотрудников, сосредоточено преимущественно в Пьемонте, за которым следует Эмилия-Романья и другие центры – Кассино (Лацио), Изерния (Молизе), Помильяно-д'Арко (Кампания) и Мельфи (Базиликата). Что касается компонентов (около 200 тысяч занятых), то здесь лидируют Пьемонт, Ломбардия и Эмилия-Романья, за ними следуют Венето, Тоскана и Кампания.

Удар по мифу о совместном управлении

Если Stellantis в Италии потеряла почти десять тысяч сотрудников за последние четыре года (FIOM, 29.09.2025), то и в Германии большинство автомобильных компаний вовлечено в реструктуризацию. Volkswagen планирует 35 тысяч добровольных увольнений к 2030 году, Daimler Truck – 5 тысяч за тот же срок, Porsche сократит почти 2 тысяч мест к 2029 году; Ford – тысячу в Кёльне, сверх уже предусмотренных 2700 к 2027 году. Тяжёлые последствия затронули и производителей автокомпонентов. Bosch, которая уже в прошлом году объявила о 9 тысячах избыточных рабочих мест, добавляет к ним ещё 13 тысяч к 2030 году; ZF объявила о 14 тысячах сокращений к 2028 году и уже уволила 7600 работников 1 октября; Continental сократила 20 тысяч сотрудников пять лет назад. Некоторые случаи оставляют политические следы. Наиболее значительный касается Bosch, где профсоюз IG Metall заявил об «огромном разочаровании, чёрном дне для социального партнёрства». Президент Кристиане Беннер объясняет и обвиняет: «Роберт Бош [основатель компании, прозванный “Бош Красный” за свои социальные убеждения] переворачивается в гробу! Вы отрекаетесь от ценностей, которые определили успех компании: надёжность, ответственность и лояльное сотрудничество». И добавляет: «В последние месяцы мы объединили силы, чтобы сохранить объекты и структуры, а вы в благодарность увольняете? Так не работает». Она признала, что надежда на эффективность системы совместного управления, немецкой Mitbestimmung, не оправдалась. Президент совета фабрики Франк Селл проясняет ситуацию: «Мы никогда не сможем конкурировать с китайцами, нам пришлось бы снизить цены на 30 %». И тогда, «если китайские автопроизводители хотят продавать здесь, они должны и производить здесь – на немецких условиях» (*Handelsblatt*, 26.09.2025). Линия Трампа под рейнским соусом. Французский завод Bosch в департаменте Аверон также сокращает численность персонала: с 2500 работников в 2000 году до 520, запланированных к концу 2025-го, и, возможно, до 350 к 2030 году. Forvia также предусматривает до 10 тысяч сокращений в Европе (*Le Monde*, 13.10.2024).

Единство европейских металлургов

Другой сектор, в котором реструктуризация подрывает миф о совместном управлении, – это металлургия. Показателен случай ThyssenKrupp: «Что будет с совместным управлением ThyssenKrupp?», – спрашивает *Handelsblatt* от 25 сентября. Компания

Мы стали свидетелями странного марафона в поддержку Палестины, во главе которого внезапно оказались Эммануэль Макрон и Кир Стармер. Наследники колониального господства, разделившего Средний Восток в начале XX века, президент Франции и премьер-министр Великобритании теперь выступают сторонниками признания палестинского государства. Здесь они встали в один ряд с Бин Салманом, с его двойной, если не тройной игрой: саудовский принц торгуется с Вашингтоном – нефтедоллары в обмен на соглашения Авраама, заручается поддержкой Парижа, демонстрируя защиту Палестинской национальной администрации, и обеспечивает себе пакистанский ядерный зонтик через Исламабад. Позднее стало ясно, что Франция и Великобритания стремятся воспользоваться разрывами и пробелами в американском мирном плане – двадцати пунктах, которые, впрочем, сама Британия помогла сформулировать, участвуя в торге между бывшим премьером Тони Блэром и Джаредом Кушнером, дельцом из мира недвижимости, но прежде всего – зятем Дональда Трампа.

Тогда получается, что и сам Трамп во главе этого марафона? Президенту США, в большей степени телеведущему, чем реальному бизнесмену, куда больше подходит сцена дипломатии-спектакля. Так, он выступил в роли звезды в Кнессете, израильском парламенте, и ведущим церемонии “Peace 2025” в Шарм-эль-Шейхе – своего рода “ночи Оскаров”, где он лично представил десятки глав государств и нефтяных эмиров и самоотверженно перевозносил себя как творца вечного мира. Затем это шапито переехало в Азию: обещание “золотого века” отношений, данное на встрече с новой премьер-министром Японии Санаэ Такаити, и подписание торгового соглашения с Южной Кореей предшествовали саммиту в Пусане между Трампом и Си Цзиньпином.

Будет ли грандиозный финал – с притязаниями на всеобщий мир или хотя бы на передышку в духе разрядки? Возможно. Но следует помнить: за кулисами борьба не знает остановки. Спор о пошлинах вовсе не закончен, и теперь он сочетается с предложениями и угрозами, касающимися редкоземельных металлов. Именно во время саммита Трампа и Си Пекин направил свой флот к берегам Тайваня. На Украине продолжается кровавое истощение – медленное, но непрерывное. Остановка гастролей Trump Show в Будапеште сорвалась из-за несговорчивости Путина. Нарастает американское военное давление на Венесуэлу. Продолжает полыхать война в Судане. В мире нет державы, которая бы не перевооружалась. И даже в Газе эпохи “вечного мира”, разделённой пополам между Израилем и ХАМАС, временами снова бьют ракеты и трещат пулемёты массовых казней. Да, нужно бороться против варварства, но с широко открытыми глазами: один миг, и вы окажетесь пешками в их войнах или статистами гротескного спектакля. Поэтому столь незаменима марксистская наука и организация, которая за ней стоит.

объявляет об 11 тысячах избыточных рабочих мест в сталелитейном секторе к 2030 году, а профсоюз критикует отсутствие прозрачности и диалога. Также в металлургическом секторе процессы имеют как минимум континентальный масштаб, хотя проявляются в каждой стране с собственными проблемами и динамиками (в Италии бесконечно тянется история бывшей Ilva). Отсюда вытекает необходимость ответа на европейском уровне. В этом направлении двинулись делегации испанского профсоюза Comisiones Obreras Industria и FIOM из Генуи, собравшиеся в этом лигурийском городе 22 сентября, чтобы подвести итог реструктуризации ArcelorMittal в Испании и бывшей Ilva в Италии. Среди согласованных пунктов есть «защита рабочих мест и зарплат», но прежде всего – «потребность в том, чтобы европейский профсоюз взялся за улучшение зарплатных условий и безопасности во внеевропейских странах, чтобы противостоять зарплатному демпингу».

Интернационализм против протекционизма

Это классовый ответ на логику протекционизма, столь распространённую

в текущем цикле, в том числе и в профсоюзной среде. Возвращаясь к Германии: Беннер из IG Metall просит государственного вмешательства, чтобы противостоять промышленному упадку. Кто же враг? «США и Китай отказались от честной конкуренции», поэтому нужна активная политика, поскольку «рынок сам по себе не решит проблему». Требуются обязательные нормы и фиксированные квоты национального производства (*Handelsblatt*, 24 сентября). Если панорама такова, то ясно, почему всегда нужно исходить из стратегического видения, даже в подходе к профсоюзной борьбе. И стратегическое видение – это понимание борьбы между державами: нужно защищать непосредственные интересы наёмных работников, не становясь добычей противоположных интересов крупных капиталистических групп и их государств. Превосить это осознание в среде работников – первая задача ленинистской партии.

Lotta comunista, октябрь 2025 г.